

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Роковой медальон
хранит великую
тайну...

Елена АРСЕНЬЕВА

Проклятый подарок Авроры

Елена Арсеньева
Проклятый подарок Авроры
Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36329349

Проклятый подарок Авроры / Елена Арсеньева: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-094298-5

Аннотация

Говорят, бывают люди – самые обычные люди, – которые притягивают к себе беды. Говорят, бывают люди – хорошие, добрые, – которые против воли своей причиняют беды другим. Такой была блистательная красавица своего времени – Аврора Шернваль-Демидова-Карамзина, которая получила «титул» смертоносной красавицы. Казалось, над ней тяготеет некое проклятие. Все, что она кому-нибудь дарила, было источником беды. Так случилось, что ее медальон погубил множество людей. Одной из них стала русская девушка – партизанка Лиза Ховрина-Петропавловская. История ее трагической и героической судьбы странным образом сплелась с судьбой писательницы Алёны Дмитриевой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

108

Елена Арсеньева

Проклятый подарок Авроры

*Прости, забудь меня; мы вместе шли доньне;
Путь новый избрал я, путь новый избери,
Печаль бесплодную рассудком усмири,
Как я, безропотно покорствуя судьбине.
Не властны мы в самих себе...*

Е. Боратынский

Все, что было не со мной, помню.

Р. Рождественский

Далекое прошлое

Он возвращался счастливым и гнал коня во весь опор. Бабушка, конечно, не могла приехать в Гельсингфорс¹ из своего отдаленного имения, чтобы побывать на свадьбе вну-

¹ Это русское произношение шведского названия финского города Хельсинки (Helsingfors (швед.), Helsingi (финск.)), которое в то время, когда Финляндия входила в состав Российской империи, имело место в быту, в официальных документах и в картографии. (Здесь и далее прим. автора.)

ка, вот он и решил ее порадовать, навестить – а заодно получить благословение от единственного родного человека. Порадовал, получил, теперь надо спешить. День венчания уже назначен. Совсем скоро Карл Маннергейм, богатый и знатный швед, отпрыск знатного рода, станет мужем прекрасной, прекраснейшей Авроры Шернваль, дочери покойного выборгского ландсгевдинга, то есть губернатора, Карла Юхана Шернваля, падчерицы видного выборгского сенатора и юриста Карла Йохана фон Валлена. А впрочем, Карл знал, что искал бы руки и сердца Авроры, будь она даже простой крестьянкой и живи не в роскошном доме в Гельсингфорсе, а какой-нибудь невзрачной деревушке – вроде тех, которые он миновал в своем стремительном пути по мерзкой, расквашенной от дождей, заваленной сучьями и коряжинами дороге. Он отдал бы жизнь за нее, за ее любовь!

Переняв поводья одной рукой, он стиснул другой в кармане чудесную резную табакерку – подарок невесты с миниатюрой на крышечке: ее портретом и инициалами – АШ.

Конь вдруг оскользнулся, Карл уронил поводья, не удержался в седле и тяжело ударился оземь.

Через несколько часов на него набрели два крестьянина, которые услышали в лесу тоскливое ржание коня.

– Куда ж это он так гнал, страдалец? – простонал один, глядя на мертвого всадника.

– Ой, жалостливый, гляньте на него... – фыркнул его спутник.

– А чего ж его не пожалеть, Федот? Молодой, красивый, жить бы да жить, кабы не эта коряжина. Вот так неся сломя голову – и принесся. А там, может, матушка ждет, а то и девица-красавица в окошко глядит: где ты, мой суженый? А суженый – вот он, с проломленной головой на дороге лежит.

– У всякого судьба своя, хватит тебе причитать, Климка, – оборвал его Федот. – Ты вот что... коня расседлай да в табор сведем его. Мол, по дороге мчал, знать, от какого-то табуна отбился. Цыгане, конечно, народ воровской, настоящую цену не дадут, да ладно, хоть какие-то деньги. К себе ж на двор привести его мы не сможем, верно? Пойдут расспросы: чей да откуда... Привяжутся, глядишь, донесут, понаедет полиция – не отмоешься вовеки. Еще и скажут, что мы этого бедолагу уходили. Поди докажи, что сам он упал!

– Так ведь ежели тело мертвое отыщут, все равно станут искать виновных. А цыгане возьмут да и скажут, мол, крестьяне из Ивановки им коня приводили. И скрутят нас, и в каторгу!.. Нет, пошли лучшие подобру-поздорову! – засуетился Клима.

– Глупый ты, брат, глупый да трусливый. Сними седло, сними уздечку – да в воду. Коня цыганам сведем. А этого... раба Божьего... и его в воду, на глубину на самую. Поди набери камней, насыем ему в карманы, чтоб не всплыл. Погоди, дай-ка я в карманах для начала пошарю. Ох ты... а это

чего?

– Коробушка с табаком, а камни-то, камни какие... – воскликнул Клим. – И личина на крышечке... И впрямь девица! И впрямь красота несказанная! Положи на место, Федот. Ладно, конь, но коробушка заветная... с любовью даренная. Положи. Грех это!

– Не мели ерунды, – сурово буркнул Федот. – Ему уж теперь все равно, а нам с тобой деньги позарез жизни нужны. Тебя от рекрутчины откупим, а я... а я женись теперь! Ему-то, страдальцу, теперь уже все равно! Ну, чего стал?! Расседывай коня, чего на личину уставился? Не про тебя честь! И не горюй о ней: одного похоронила – другой същется. На такую красоту господа небось летят как мухи на мед! Поплачет – да и успокоится.

Нижний Новгород, наши дни

Иногда главное – не оглядываться. Так советует народная мудрость! Возьмите какую хотите сказку – непременно герой должен идти вперед, а назад посмотреть – ни-ни! Или вспомним Орфея. Его же предупреждали: когда поведешь Эвридику из Аида, ни в коем случае не оборачивайся! Однако он обернулся – ну и вот вам результат: лишился навеки Эвридики, а потом и сам погиб, растерзанный менадами. А ведь кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы он не оглянулся тогда, уходя из Аида?! Главное, предупреждали

ведь! Нет, как об стенку горох...

А вот Алёну Дмитриеву никто не предупреждал. Поэтому ее некоторым образом можно извинить за то, что она обернулась. Померещилось знакомое лицо, ну и обернулась, чтобы посмотреть на двух девушек, которые как раз сидели в серый «Ниссан». Та, на которую оглянулась Алёна, тоже бросила на нее любопытствующий взгляд и даже вроде бы улыбнулась, но наша героиня уже решила, что ошиблась, что никогда раньше эту барышню не видела и явно приняла ее за кого-то другого. А может, и видела, но не помнила. Что и говорить, память у нашей героини была короткая, короче некуда, из-за чего она не единожды попадала в неловкое положение. С другой стороны, писателю как бы положено быть рассеянным. Алёна же Дмитриева была именно что писательница – не слишком, конечно, известная, но за славой она не гналась.

Ведь что слава? Жалкая заплата, как известно, а главное, слава, прежде всего мирская, проходит, как... ну, как-то *так* она проходит, как-то *sic*. Ну всю жизнь мечтала Алёна уточнить, что же это за *sic* такое особенное, какой смысл вкладывали премудрые латиняне в это понятие? Сказали: *sic transit Gloria mundi*, но не позаботились пояснить, каким же особенным *sic*'ом эта сама *mundi* берет да и *transit*... А впрочем, ключевое слово здесь именно *transit*, проходит, проходит слава, хоть тресни...

Размышляя об этом, Алёна пошла себе дальше, начисто

забыв про двух девушек, которые садились в серый «Ниссан», а черноглазый, улыбочивый, донельзя любезный молодой человек захлопнул за ними дверцу и сел рядом с водителем.

– Что за тетка? – спросил настороженно. – Знакомая или как?

Девушки переглянулись. Черноглазый обаятельный и любезный красавчик мгновенно перестал быть обаятельным и любезным. И даже как бы красоты в нем поубавилось.

И тут черт потянул за язык одну из девушек... а может быть, черт тут был совершенно ни при чем, просто она инстинктивно почувствовала беду, которой почему-то не предчувствовала раньше, и попыталась ее отвести, хоть как-то себя обезопасив.

– Да, знакомая, – сказала она. – Это писательница здешняя, очень известная, Алёна Дмитриева. Знаете такую?

– Нет, – покачал головой молодой человек и покаянно улыбнулся. У него была очаровательная улыбка, добрая и открытая, имеющая, впрочем, такое же отношение к доброте и открытости, как слезы крокодила – к жалости. Не более чем сокращение лицевых мускулов и демонстрация великолепных зубов... это мы об улыбке, понятное дело. – Пелевина знаю, а Дмитриеву какую-то... Нет.

– А вот я Пелевина не люблю! – задиристо сказала девушка и прошлась насчет его сине-зеленой кислотности, а молодой человек возразил, причем стало ясно, что он читал Пе-

левина побольше, чем эта девушка, и ей стало неловко, она разгорячилась, немедленно начала ввязываться в спор ради спора, ничего уже вокруг не видела, не обращала никакого внимания ни на что, в том числе на то, куда их вез молчаливый, лишь изредка ухмыляющийся водитель, – и продолжалось это до тех пор, пока ее подруга – которая участия в споре не принимала, потому что вообще никого не читала, ни Пелевина, ни Дмитриевой, ни графа Л. Н. Толстого (бывают, бывают такие люди, и их даже больше, чем вам кажется!), – не ткнула ее в бок и не спросила встревоженно:

– Слушай, а где это мы?

Честно говоря, еще и раньше подруга удивлялась, что едут они вроде бы не совсем туда, куда хотели добраться, – в центр Сормова, а по каким-то извилистым, окольным путям, она даже спросила почему, но водитель буркнул: объезд, мол, дорога ремонтируется, что, она знаков не видела? Она не видела знаков, но промолчала, потому что на всю жизнь усвоила правило, которое в пору ее детства было запечатлено в каждом средстве общественного транспорта: «Во время движения не отвлекайте водителя разговорами!» Вот она и не отвлекала. К тому же она привыкла к тому, что «мужчина лучше знает!». Но вот теперь подспудное беспокойство вырвалось наружу.

Тогда и первая девушка наконец-то глянула в окошко – и изумилась. Они находились на какой-то окраине... несколько невзрачных домиков, вызывающих в памяти невразуми-

тельное словосочетание «народная стройка», торчали среди заброшенных, заросших сорняками садовых участков с полусгнившими деревьями и уродливыми пнями, словно и сами были такими же пнями.

– Слушайте, слушайте, – забормотала девушка, мигом испугавшись и забыв и про Пелевина, и про Алёну Дмитриеву, и вообще про все на свете. – Где это мы, зачем, почему, как, нам же в центр Сормова надо было! А это что? Вы куда нас привезли? Зачем?

– Ничего, девушки, – успокоительно сказал обаятельный любитель Пелевина и улыбнулся чарующе. – Вы давайте выходите. Там разберемся.

А поскольку они не тронулись с места, вцепившись в кожаную обивку сидений, он выключил улыбку, как выключают свет, и рявкнул:

– Выходите, живо, ну!

Девушки дружно зажмурились от страха и не двинулись с места, но через мгновение знакомая Алёны Дмитриевой услышала пронзительный визг подруги – и открыла глаза, понимая, что сейчас увидит нечто ужасное.

Да, в самом деле – она увидела, что любезный молодой человек держит пистолет и черное дуло упирается в лоб ее подруги.

Мезенск, 1942 год

– Откуда она тут взялась? Нет, объясните, откуда она тут взялась?!

– *Mein Gott*², угомнитесь, фон Шубенбах, не кричите так. Ясно же, что она тут взялась из воды.

– Изволите шутить, обер-лейтенант? А между тем мне не до шуток. Откуда вдруг посреди реки взялась эта женщина?!

– Возможны следующие варианты, фон Шубенбах: а, бэ, цэ. Вариант а: эта фрейлейн – сирена, русалка, жительница подводных глубин, морских и речных, и она выглянула на поверхность, чтобы спеть нам свою чарующую песнь и увлечь на дно, где она обитает в роскошном дворце. Не приходилось читать в детстве сказки некоего Ганса Христиана Андерсена? Конечно нет, я почему-то сразу так и подумал, что нет.

– Андерсен? Подозрительная фамилия. Он, этот ваш Андерсен, наверное...

– Нет, успокойтесь, у этого господина вполне арийское происхождение, он датчанин, потомок тех самых викингов, которые так милы сердцу нашего фюрера. К тому же сей господин отошел к праотцам более полувека назад.

² Бог мой (нем.).

– Тогда при чем он тут вообще?!

– Всего лишь при том, что у него есть сказка об одной такой *nixe*, русалке, которая настолько сильно влюбилась в некоего простоватого принца, что ради него рассталась со своим рыбьим хвостом и обрела две ножки – полагаю, столь же прелестные, как и у этой фрейлейн, которая так мило лежит перед нами на траве. И все же полагаю, что это не русалка. *Nobless oblige*, как говорят в Париже, откуда я прибыл совсем недавно, – ах, какой город, фон Шубенбах, какой город и какие в этом городе женщины! – положение обязывает, а потому русалка должна была явиться перед нами некоторым образом *exposé*, а попросту сказать, *ни³*, а не в купальном костюме, как наша прелестная утопленница. Это все, что я хотел сказать о варианте «а». Теперь о варианте под литерой «бэ». Полагаю, именно он пришел вам в голову – судя по вашим прищуренным глазам, фон Шубенбах. А состоит он в том, что бесчувственная красотка – диверсантка с русской подводной лодки, которая, очевидно, лежит на дне реки. Фрейлейн всплыла на поверхность в надежде обворовать вас и с вашей помощью получить доступ к неким секретным документам, которыми вы как помощник главного военного следователя, конечно, располагаете... Сама по себе версия хороша, не спорю, однако, учитывая глубину сей речушки, особенно на отмелях, я не могу вообразить даже бочку, которая могла бы незаметно залечь

³ Обнаженная; голая (франц.).

на дно, не то что полноценную подводную лодку. Так что вариант «бэ» мы тоже можем считать несостоятельным. Остается «цэ», и эту версию я готов был бы считать самой правдивой.

– И в чем она состоит?

– Да в том, что наша незнакомка заплыла сюда с той стороны пляжа, где расположились бравые ребята из гестапо. Это подружка какого-нибудь обершарфюрера СС, неустанного борца против этих мифических подпольщиков.

– Почему вы называете их мифическими?

– Да потому, что они – как персонажи мифов: их никто не видел, но все о них знают и из уст в уста передают сказания об их героических деяниях.

– Героических деяниях?! Советую вам быть поосторожней в словах, обер-лейтенант Вернер!

– Да ладно вам, фон Шубенбах, я употребил это слово исключительно в кавычках.

– Смотрите... вы здесь на фронте, а не в Париже или Берлине, под крылышком папеньки-фабриканта. Что же касается ваших пресловутых версий, то я, пожалуй, предпочел бы, чтобы эта особа оказалась не русалкой, а партизанкой. Мы отволокли бы ее в гестапо, и я наконец получил бы отпуск! Смотрите-ка, Вернер, у нее дрожат ресницы! Она пришла в себя! Откройте глаза, фрейлейн. Откройте глаза! Разве вы не понимаете, что я говорю?

Лиза вздохнула, неохотно открыла глаза. Она лежала на травянистой полоске узкого островка, который находился посреди не слишком широкой и вовсе даже не бурной реки. Лиза с некоторым усилием села и огляделась. Левый берег был высок, обрывист и покрыт аккуратными пеньками. Вдали, метров через сто, начинался довольно густой лес, и можно было предположить, что некоторое время назад он подходил к самой реке, а потом его вырубил. Теперь на берегу стояли несколько солдат в серо-зеленой форме, в касках, с автоматами и ручными пулеметами, направленными на лес. Под берегом притулилась лодка, в которой тоже сидели автоматчики.

Увидела она солдат и на противоположном берегу. Они стояли редкой цепью вдоль дороги, сквозившей за реденькими рошицами. Половина солдат в цепи была в серо-зеленых мундирах, половина – в черных. А между их цепью и водой резвились веселые компании полудетых людей. Мужчины были в купальных трусах или плавках, женщины – кое-кто в модных купальниках, а кое на ком Лиза увидела самые обычные майки, заправленные в обычные розовые или голубые трусы и для шикю перехваченные ремешками. Ну что ж, в конце концов, они тут собрались не для спортивных состязаний, где требовалась форма, а чтобы развлечься. И развлекались самым непринужденным образом. Небольшая компания играла в волейбол; много народу плескались в воде. Некоторые лежали на разостланных полотенцах и загорали, бла-

го солнце было ярким и жарким. Некоторые молодые люди старательно уткнулись в книжки, демонстративно не обращая внимания на визг и смех, которые раздавались из-за кустов: ведь кое-кто был уже навеселе и вел себя совершенно непринужденно с легко одетыми девицами. Слышались звуки гармоники, и приятный голос громко, хоть и несколько фальшиво выводил:

*Около казармы
У самых у ворот,
Фонарь стоит высокий,
Горит он круглый год.
И мы с тобой, в любви горя,
Стояли здесь, у фонаря,
Моя Лили Марлен,
Моя Лили Марлен...*

По берегу туда-сюда сновал человек в серой форме с неуклюжей, громоздкой кинокамерой в руках. Он подбегал то к волейболистам, то к купальщикам, то заглядывал за кусты, откуда слышался дурашливый крик. Один раз в оператора полетела бутылка, и больше он в кусты не совался, целиком переключившись на волейболистов.

– Вы с таким любопытством озираетесь, как будто с луны на землю свалились! – засмеялся кто-то рядом. – Ну взгляните же наконец и на нас, грешных, всё же мы в некотором роде ваши спасители!

Лиза повернула голову и наконец-то удостоилась взглядом двух молодых людей, стоявших рядом.

Один был высоченный, плечистый, атлетического сложения, ярко-голубоглазый блондин – вообще его вполне можно было назвать даже белобрысым. Его мускулистое тело было очень белокожим, и солнце уже оставило на нем следы. «Если не оденется, то запросто сгорит», – подумала Лиза и оглянулась на второго молодого человека.

Он смотрелся не столь эффектно: и ростом пониже, и в плечах поуже, и волосы всего лишь темно-русые, и глаза самые обыкновенные, серые, однако в этих глазах, направленных на Лизу, светилось столько откровенного мужского интереса, что она невольно смутилась.

– По-хорошему, это нас, скромных героев, должен был запечатлеть сей досужий ловец сенсаций, – сказал он, кивая на оператора с камерой, и в его глазах сверкнула насмешка.

Лиза узнала голос того, кого называли Вернером. А «белокурая бестия» – это, конечно, фон Шубенбах.

– Какая жалость, что его не оказалось рядом, когда мы тащили вас из реки, – продолжал Вернер. – Вот это, я понимаю, была бы трогательная иллюстрация к истории жизни доблестных вояк на новых территориях рейха! Одно дело – играть с местными красотками в мячик, и совсем другое – нырять за ними черт знает на какую глубину!

С чистого голубого неба светило жаркое солнце, дул теплый, ласковый ветерок, а между тем Лизу пробрал озноб.

Она отвела взгляд от серых блудливых глаз Вернера и уставилась на серебристо поблескивающую воду. Ее колотило все сильнее, она даже плечи обхватила руками, пытаясь утишить эту дрожь.

– Спасибо, – пробормотала Лиза. – Я вам очень... я вам страшно благодарна.

– Надеюсь, вы понимаете по-немецки лучше, чем говорите, – весело сказал Вернер, – иначе все те многочисленные комплименты, которые я хотел вам расточить, пропадут втуне.

– Вы кошмарный болтун, Вернер, – пробурчал фон Шубенбах. – Почему вы уверены, что всем девушкам на свете нужны ваши дешевые комплименты.

– А почему вы убеждены, что они настолько дешевые? – с обиженным выражением спросил Вернер. – А вообще говоря, комплименты – независимо от цены и качества – нужны всем девушкам на свете. И чем скорей вы это поймете, фон Шубенбах, тем более счастливо проживете остаток дней своих.

Лиза уткнулась лицом в колени. Тошнота вдруг подкатила к горлу.

– Что с вами? Вам плохо? – встревоженно спросил Вернер.

– Воды, конечно, наглоталась, мутит, – пробурчал фон Шубенбах. – Однако мы до сих пор так и не получили от нее вразумительного ответа, кто она и откуда. Вы будете

отвечать, фрейлейн? Ваше молчание кажется мне подозрительным.

– Дайте ей прийти в себя, фон Шубенбах, – примирительно сказал Вернер. – Лучшие полюбуйтесь на этого аса. Вот это мастерство, а? Давненько я не видел таких изощренных фигур высшего пилотажа!

– Странно, откуда в нашем гарнизоне вдруг взялась истребительная авиация? – задумчиво проговорил Шубенбах. – Или перебросили новые части? Но вы правы, искусство необыкновенное!

Лиза с усилием подняла голову и посмотрела в небо. Серенький самолетик крутился высоко-высоко, то уходя в пике, то вертясь в штопоре, то снова взмывая ввысь. А потом он резко начал снижаться, скользнул над рекой на бреющем полете, и Лиза увидела на его крыльях черные кресты-свастики.

Она невольно вскрикнула, зажмурилась, снова уткнулась в колени. Страх ревел в небе, страх окружал со всех сторон.

Снова! Неужели она испытает это снова?! Но здесь нет вагона, под который можно заползти, чтобы спастись от пуль, здесь нет добрых людей, которые потом приютят тебя, помогут выжить... здесь только враги!

Зачем ты решилась на это?! Зачем пошла сюда? Почему тебе показалось, что ты больше не можешь отсиживаться в лесу? Какая нелегкая выгнала тебя оттуда на погибель? Ведь ты погибнешь, погибнешь прямо сейчас, и уже

никто не сможет тебя спасти!

Однако кругом никто, кроме нее, не боялся. Этим черным крестам махали, что-то весело кричали летчику, который оказался так низко, что его силуэт можно было разглядеть под плексигласовым колпаком. Лиза же ничего не могла поделать со своим паническим страхом: скорчилась в комок, закрыла голову руками, словно сейчас вот-вот должны была чиркнуть рядом по траве пулеметная очередь...

И вдруг оглушительно затрещало в небе, всплеснулась прожитая пулями волна, кто-то пронзительно закричал – и вот уже от испуганных, истерических воплей зазвенел воздух, но пулеметный стрекот перекрывал их, рвал воздух, резал слух...

Самолет расстреливал людей на берегу!

Лиза зажала уши ладонями, ощущая свою сгорбленную голую спину как обширную и очень удобную мишень. Вот сейчас вопьется пуля... Мысли металась в голове бестолково, как мухи между оконными рамами: «Я так и знала! Я это чувствовала! Но только почему же он стрелял в своих? У него черные кресты на крыльях, это же фашистский самолет, почему он стрелял в своих?»

– Да это русский! – раздался крик рядом с ней. – На нашем самолете русский пилот! Проклятье! Да не стойте как дерево, фон Шубенбах! Надо спасаться! А, черт, да его подстрелили! Можете продержаться еще немного? Нужно добраться до берега! А вы чего расселись?

Кто-то с силой схватил Лизу под руку и вздернул на ноги. Это оказался Вернер.

– Вы не ранены? На том спасибо. Поддерживайте Шубенбаха с той стороны, ну, быстро! Вдвоем мы его вытащим на берег.

Он подтолкнул Лизу к блондину, который еле держался на ногах, зажимая простреленное плечо другой рукой. Кровь текла между пальцами, и Лиза пошатнулась, ощутив тошноту. Ей всегда было дурно от вида крови, поэтому и в медицинский в свое время сдавать не стала, пошла на мирный филфак...

– Только не вздумайте мне тут в обморок упасть! – рявкнул Вернер. – Подставьте ему плечо, ну, живо! Повели его к воде. Шевелите ногами, фрейлейн! Наше спасение на другом берегу, там хоть есть где укрыться, а тут, на островке, мы как на ладони, мы мишень! Пошли, ну?!

Лиза потащила Шубенбаха к берегу, успев порадоваться, что подставляет ему свое плечо не с той стороны, где у него была рана. Если бы на нее попала кровь этого фашиста, она умерла бы от отвращения, точно умерла бы!

Голова Шубенбаха безвольно моталась, он еле перебирал ногами, а когда оказался в воде, вообще безвольно повис на руках Лизы и Вернера.

«Да как же мы выплывем с ним?» – подумала она в ужасе. Вода поднималась все выше и выше, тащить раненого становилось все легче. И вот дно начало подниматься. Значит,

здесь брод между островком и берегом, плыть не придется, слава богу!

Вот они уже на мелководье, вот на траве. Кругом валяются окровавленные тела... О господи! Лиза увидела кинооператора – он уже больше ничего и никого не снимал, лежал с камерой – мертвый, убитый. Да разве он один?! Убитые мужчины – и женичины, женичины!

Кто-то из солдат пытался стрелять по самолету из автоматов, но тот, ныряя к земле и взмывая ввысь, словно смеялся над обезумевшими людьми, снова и снова поливая их пулями.

– Вон туда, под деревья! – кричал Вернер, волоча Шубенбаха куда-то в сторону.

– Грузовик, грузовик... – прохрипел Шубенбах, поднимая голову, и Лиза поняла, что он хочет укрыться под защитой большого грузовика, стоящего на окраине пляжа. Видно было, что там нашли спасение множество людей. Они забились под широкий кузов и казались надежно защищенными от пуль.

– В рожу! – настаивал Вернер, но Шубенбах навалился всем телом на Лизу, норовя повернуть к грузовику. И тут очередь прошла кабину, а через мгновение полыхнул бензобак.

Далекое прошлое

...Ходили слухи, что в 1808 году, когда у Выборгского губернатора Карла Юхана Шернваля рождала жена, Ева-Густава, в дом постучала какая-то добродушная старушка. Она назвалась повитухой и предложила свои услуги.

Шернваль был вне себя от страха за жену: врач задерживался, на служанок он не надеялся, местная повитуха, ай-ти⁴ Виртунен, еще не вернулась от другой роженицы, а тут помощь подоспела. Он допустил бабку до ложа будущей матери. Всю ночь длились схватки, а когда с первыми лучами солнца родилась очаровательная девочка, лицо «добродушной старушки» исказилось от злости и стало безобразным. Она плюнула на младенца и прошепела:

– Так пусть же твоя красота будет достойна тех несчастий, которые она принесет!

И бросилась бежать. В дверях она столкнулась с запоздавшей ай-ти Виртунен и шепнула ей что-то такое, отчего повитуха повалилась почти без чувств и не скоро пришла в себя.

Ошеломленный Шернваль кликнул слуг, чтобы задержали старуху да надавали тумачков, однако те побоялись подступить к страшной бабке, уверяя, что это была злая

⁴ Магушка (финск.).

троллиха, которая обманом пробирается к ложу роженицы и проклинает всех красивых младенцев, поскольку ненавидит все прекрасное.

Но время шло, и дурное событие, омрачившее рождение Авроры Шернваль, постепенно забылось.

Мезенск, 1942 год

Грянул взрыв, но Лиза не могла понять, что звучало громче: этот грохот – или крики людей, разметанных взрывом в стороны. Ее отшвырнуло от Шубенбаха... было мгновенное ощущение, что она летит, летит, словно безвольный клочок бумаги, несомый ветром... На нее надвигались деревья, вот сейчас ее размажет о ствол! Однако взрывная волна опустила, вернее, уронила Лизу на землю.

Она лежала вниз лицом, а где-то там, наверху, металась эта смерть с черными крестами на крыльях...

«Русский, это русский пилот!» – кричал Вернер. Но Лиза не могла воспринимать этого летчика как своего. Он убивал фашистов, да... Наверное, она должна была кричать от радости, но зрелище этих залитых кровью тел было слишком страшным, чтобы возможно было ощутить хоть проблеск мстительного торжества. К тому же слепая пуля в любое мгновение могла поразить ее. Нужно было думать о спасении.

Лиза ринулась в роуцу, но тотчас полетели с деревьев ли-

стья, сбитые пулями, и она упала на землю. Этот ненормальный, он что, не соображает, что делает, когда стреляет по роще? Он же видел, что туда бежала женщина. Русская женщина!

А впрочем, ему все равно, кто я, дошло до нее. Я с фашистами, значит, фашистка. Нет, на его милосердие надеяться нечего, нужно спасаться самой.

Хотелось распластаться на земле, зарыться в нее, но зарываться было нечем, это раз, а во-вторых, Лиза рассудила, что лежа она гораздо уязвимей для пуль, чем стоя. Она ринулась к березе и прильнула к стволу, смутно надеясь, что пули каким-то чудесным образом ее минуют – ведь на гладком белом древесном стволе еще не было ни единой раны.

Выстрелы отдалились, шум моторов стал чуть тише – самолет метнулся к дороге, расстреливал там кого-то еще, Лиза не видела кого. Она озиралась, пытаясь понять, что делать теперь: искать ли другое укрытие или оставаться на месте, – как вдруг расслышала стон. Оглянулась – и увидела судорожно подергивающиеся босые ноги, торчащие из-под куста.

– Помогите... – донесся слабый голос.

Сколько боли в нем! Кажется, за всю жизнь, в которой бывало, конечно, всякое, Лиза не слышала такого страдания в голосе человека. Она не могла оставаться на месте, просто не могла. И, по привычке пригибаясь, как будто самолет все еще реял над ней, побежала к кустам.

И зажмурилась, когда увидела то, что увидела...

Там лежала молодая женщина в одном белье, от которого остались только кровавые клочья. Стройное загорелое тело было все изорвано пулями. Но женщина – бледная, со светлыми, разметавшимися по траве волосами, с серыми, почти обесцвеченными болью глазами – была еще жива. Рядом валялся мокрый купальник, раскрытый саквояжик, из которого вывалились какие-то вещи, и Лиза поняла, что женщина пыталась переодеться, когда ее сразила пулеметная очередь.

Лиза тупо стояла и смотрела на ее окровавленное тело. Надо было перевязать, но чем... да вот вещами, которые на траве... но даже на самый неопытный взгляд видно было, что сделать уже ничего нельзя, раны слишком страшны, женщина умирает, вот-вот умрет, и как облегчить ее последние минуты – неизвестно. Принести воды? Но в чем? И для этого нужно вернуться к реке, выйти на открытый берег, подставить себя под пули...

Лиза зажмурилась от ужаса, с тоской понимая, что, если женщина попросит пить, она все-таки выйдет на берег, подставит себя под пули и попытается принести ей воды, хоть в горсти, хоть платок намочив.

Какой платок? Да у нее же ничего, кроме купальника!

Женщина вдруг проговорила, вернее, выдохнула:

– Ты кто? Ты русская?

Если на первый вопрос ответить было бы затруднитель-

но (нет, ну в самом деле, как ей объяснишь, кто такая Лиза?!), то на второй ответ был однозначный:

– Да.

Молодая женщина с трудом размыкала сухие губы:

– Сходи на Полевую, 42. В ломбард... Я им деньги должна. Возьми в саквояже квитанцию, отдашь им. Скажи, что меня убило. Вещи мои себе возьми, все возьми, только отдай квитанцию... – Голос ее прервался, глаза закрылись.

Лиза невольно вскрикнула: умерла?! – но ресницы снова поднялись, и измученные глаза опять взглянули на нее:

– Как тебя зовут?

– Лиза. Елизавета Хов...

Она запнулась на фамилии. Брови женщины дрогнули, в глазах что-то словно бы вспыхнуло – и в следующее мгновение они закатились, рот приоткрылся, струйка крови выползла на подбородок...

Незнакомка умерла.

Лиза несколько мгновений тупо смотрела на нее, затем упала ничком, сотрясаясь в страшном нервном ознобе. Ее тошнило, но облегчить мучительно сжимающийся желудок казалось страшным кощунством. Рядом с мертвой, убитой!

Она лежала, и спазмы постепенно успокаивались, только глаза жгло. Оказывается, из них текли слезы, она плакала...

А ведь Лиза думала, что все слезы выплакала еще тогда,

осенью, при обстреле поезда... Ну, их за прошедшее время скопилось в душе столько, подавленных, мучительных, тайных, что теперь можно рыдать без остановки несколько дней.

Можно. Но времени на это нет!

Лиза приподнялась и поглядела в сторону берега, видного из-за кустов.

Обстрел прекратился, самолет улетел. Кругом валялись мертвые тела, живых не было видно: то ли убежали с берега, то ли просто не осталось никого живых.

– Боже мой... – пробормотала Лиза. – Боже ты мой!

Додумать она не успела. Послышался рокот мотора, и Лиза увидела, что на берегу появился грузовик. Из кузова прыгали солдаты и разбрелись по берегу. Они собирали мертвые тела, искали живых и раненых. Постепенно из окрестных роиц выбирались те, кому удалось спастись от страшного обстрела. Многие женщины не могли унять истерику, да и мужчины выглядели не лучше.

Среди полуодетых людей, бродивших по берегу, Лиза увидела молодого человека с растрепанными русыми волосами. На нем был только мундир нараспашку и купальные трусы – ни галифе, ни сапог своих он, очевидно, не нашел, да и, такое впечатление, был не слишком-то озабочен своим видом. Он пристально всматривался в лица всех женщин, как если бы кого-то искал среди них. Это был человек по фамилии Вернер, и Лиза вдруг поняла, что он ищет ее.

Вот уж с кем Лиза ни за что не хотела бы встретиться сейчас! Конечно, ловелас, болтун, бабник, но прежде всего этот Вернер – солдат, фашист, и рано или поздно он начнет задавать вопросы, на которые Лиза не сможет ответить. Все, что она так уверенно придумывала, пробираясь через лес к реке, все, что казалось таким убедительным, сейчас вышло надуманным, глупым и неправдоподобным даже ей самой, а Вернеру, небось, втройне подозрительным покажется. Еще отволочет в гестапо!

Надо где-то отсидеться, дожидаться, пока все уйдут с берега – и тогда... А где отсидеться-то? Здесь, в роще, ее живенько отыщут Вернер или кто-то другой – с таким же ворохом вопросов, на которые у нее просто нет ответов. Надо уйти куда-то, а куда?.. В город, куда еще. Ты хотела попасть в город – ну вот и иди!

«Матушка Пресвятая Богородица, ну почему ты не остановила меня, почему не отговорила от этой бредовой мысли – пойти в город?! Почему мне не сиделось в той тишине, в том покое?! Почему эти тишина и покой казались мне мертвящими?!»

Ладно, хватит причитать. Не нами сказано: на Бога надейся, а сам не плошай. Первым делом надо переодеться.

Эта несчастная женищина говорила про какие-то вещи. Снова надевать на себя чужое! А что делать, если уже давно нет ничего своего? Но жутко даже подумать, чтобы надеть что-то принадлежащее мертвой!

А что, есть выбор? Думала украсть вещи... теперь они сами свалились в руки.

Лиза с тоской покосилась на саквояж, лежащий в стороне, а потом решила заглянуть в него. Сверху лежало платье – обычное, черное в белый горох, сатиновое и довольно измятое. Да ладно, не до жиру, быть бы живу! Прикинула – платью придется впору, его хозяйка была довольно высокой, как и сама Лиза, да и сложение примерно одинаковое. Под платьем белые туфли-лодочки на небольшом каблучке. Лиза вздохнула потрясенно: она так давно не носила туфель! Отвыкла, наверное. Ничего, как-нибудь привыкнет. Главное, чтобы прилились по ноге!

Повезло, ну надо же! В саквояже лежала еще черная кофточка – простенькая, вязаная, шерстяная, – но самой поразительной находкой оказались два хрустящих целлофановых пакета. Ничего подобного Лиза не видела уже много лет: с тех пор как умерла мама. Ее вещи Лиза распродала на толкучке – на что-то ведь надо было жить, она не привыкла – на жалкую зарплату, а потом, когда спохватилась, то в доме почти ничего не осталось из прежней роскоши, а взять было уже неоткуда. Приходилось носить то же, что носят все, покупать по талонам, стоять в очередях... И вот – так и ударило воспоминаниями о прежних временах, когда мама могла достать все! Вернее, когда ей просто-напросто приносили всё, что она хотела! На одном пакете была наклеена картинка: умопомрачительная

блондинка в ярко-розовой комбинации, рядом надпись – «Le Flamant». Наверное, это название фирмы или модели, в переводе с французского – «Фламинго». Внутри пакета лежало что-то тоже розовое, но не яркое, а совсем светлое, нежное. Лиза вскрыла пакет и обнаружила лифчик и трусики, совершенно новые, шелковые, в хорошеньких беленьких цветочках. Из пакета, скользнув по шелку, выпал бумажный квадратик; она развернула и прочла: «Прелестной Лизочке – ее верный Эрих». Это было написано по-русски, но готическим шрифтом – явно не русской рукой!

Лиза в ужасе смотрела на свое имя. Вот наденет вещи неведомой «прелестной Лизочки»... и примерит ее судьбу!

Да ну, глупости. Это просто совпадение! Мало ли Лизочек на свете. Нет, на самом деле их не столь уж и много, это не самое распространенное имя, а все же... совпадение! Все только совпадение!

Голоса слышались все ближе. Лиза посмотрела сквозь ветви кустов – Вернер приближался.

Нужно поскорей уходить отсюда. Нужно добраться до города, исполнить поручение погибшей женщины (последняя воля умершего – закон!), а потом... потом попытаться сделать то, ради чего она рвалась в город.

Теперь ей будет легче. Теперь у нее хоть одежда есть. Какой ценой, правда... но ведь она не виновата в этом! Не виновата!

Лиза разорвала пакет, стащила купальник и надела бе-

лье. Оно было мягкое-мягкое, ласковое такое, шелковой шелка! Во втором пакете обнаружили чулки с надписью «*Bas de Fil de Perse*». Так это же по-французски: чулки фильдеперсовы. «Верный Эрих» подарил своей «прелестной Лизочке» немецкое белье и французские фильдеперсовы⁵ чулки.

Чулки Лиза не надела, хотя в саквояже нашлись две круглые резинки для их поддержки. Мыслимое дело – такую роскошь каждый день носить!

Она сунула тугие резинки и пакет с чулками в саквояж, туда же отправила свой сырой купальник – и наткнулась на расческу и странный конверт, сшитый из плотной суконной ткани. Там лежали какие-то бумаги, желтоватая книжечка, вроде бы удостоверение какое-то, школьная тетрадка в клеточку – и серая, невзрачная квитанция со штампом: «Ломбард и рост». Квитанция была заполнена чрезвычайно неразборчивым и корявым почерком, Лиза даже разбирать этот почерк не стала. Неграмотный писал, что ли? И какой еще рост? Ломбард – это понятно, но рост?! А, вспомнила: деньги в рост – так раньше, до революции, называли деньги в кредит, даваемые под проценты. То есть проценты растут, вот в чем штука. Где же она об этом читала? А ведь у Диккенса... в незапамятные, счастливые времена!

⁵ Fil de Perse – означает персидская нить, так называлась особым образом обработанная шелковистая пряжа, из которой вязали женские чулки примерно во времена Второй мировой войны. Fil d'Écosse – шотландская нить, так называлась гладкая крученая хлопчатобумажная пряжа, имеющая вид шелковой. Фильдеперсовы чулки в просторечии назывались шелковыми.

Лиза кое-как причесалась и бросила последний взгляд на мертвую женщину.

– Прощай, тезка! – пробормотала она и поспешно пошла, пригибаясь под низко свисавшими ветвями, прочь от реки, на небольшой холм, за которым вилась дорога, а впереди, примерно в километре, начинались огороды и разбросанные там и сям совершенно деревенские дома. Однако несколько дальше виднелись городские кварталы.

Значит, ей туда.

Нижний Новгород, наши дни

«Пистолет!.. Вот это номер, а ведь я о нем совершенно забыла!» – подумала Алёна Дмитриева, когда рука ее, сунувшись в ящик туалетного столика в поисках потерявшегося тюбика с кремом – интимным, веселящим, возбуждающим, «продлевающим ваше наслаждение», как было написано на этикетке! – вдруг наткнулась на что-то металлическое... и пальцы, как принято писать в романах, крепко стиснули рубчатую рукоять. Уже сами эти слова – «рубчатая рукоять» – были настолько романтическими и возбуждающими, что Алёна Дмитриева даже пискнула от восторга и растрогалась от давних воспоминаний.

Пистолет был старый – «беретта», купленная еще в опасных 90-х, когда в России торопливо, на скорую руку, небрежно, словно жильё для беженцев-переселенцев, начали стро-

ить капитализм. Тогда Алёна Дмитриева (в ту пору ее звали просто Елена Ярушкина), ее муж Михаил и их общий приятель Виктор Талызин вдруг возомнили себя перспективными и даже крутыми бизнесменами, открыли небольшую книготорговую фирму и, начитавшись желтой прессы, вообразили, что на них непременно станут наезжать рэкетеры. Поэтому и решено было обзавестись огнестрельным оружием. Не то чтобы кто-то намеревался пускать его в ход... хотя ежели для защиты собственной жизни, то почему бы нет?

Михаил, столичный житель, лишь на время наезжавший в Нижний к жене, которая в Москву уперто не желала перебираться (бывают такие причудницы, вот представьте себе!), нашел в этой самой столице каких-то нужных людей, и вскоре Алёна и Михаил встретились на Арбате с каким-то невероятно таинственным парнем в длинном плаще с отвисшими карманами. С первого взгляда было видно, что у парня полное помрачнение ума от собственной крутизны. И тем не менее он вынул из своих карманов два пистолета – для Ярушкиных и для Виктора Талызина, – а потом, покопавшись, извлек еще две коробочки с патрончиками, так что создавалось впечатление, что в этих карманах таится целый арсенал, там и «беретты», и «макаровы», и «кольты», и даже, очень возможно, припрятан пулемет «максим» с запасными лентами! Не исключено, что там сыскались бы даже газыри, набитые патронами, для винтовки образца одна тысяча восемьсот какого-нибудь года!

Ну это не суть важно. Куда важнее другое: при ближайшем рассмотрении «беретта» оказалась газовая... Выяснилось это методом научного тыка, когда Виктор спустил курок, целясь в старательно нарисованную от руки мишень, и после громкого хлопка из ствола вырвалось облачко ядовитого газа. Еще хорошо, что дело происходило на природе и участники эксперимента стояли с подветренной стороны!

Общий хохот и подначки Михаила на тему того, что Витя испортил воздух, помогли пережить разочарование. Михаил и Елена сначала по очереди таскали «беретту» с собой, он в борсетке, она – в сумочке, утешаясь мыслью о том, что, если они выпалят в лицо потенциального рэкетира, тому «мало не покажется». Это выражение тогда было очень модным, щеголять им считалось таким же признаком крутизны, как иметь огнестрельное оружие или держать пальцы веером. Алёна честно попробовала, но ничего не получилось: то ли пальцы ее не были к такому положению приспособлены, то ли чувство юмора помешало. Возможно, именно поэтому крутой бизнесменши из нее не получилось, так же как, впрочем, и из остальных, и их книготорговая фирма очень скоро скончалась. «Беретту» за ненадобностью сунули в верхний ящик туалетного столика. С Виктором Талызиным дружба как-то сама собой иссякла, Елена Ярушкина перевоплотилась в Алёну Дмитриеву и полностью отдалась тому, что раньше воспринимала как хобби: сочинению романов для издательства «Глобус». Михаил Ярушкин купил

себе новый пистолет, пневматический «вальтер», и забрал его с собой, когда ушел от Алёны. А в верхнем ящике туалетного столика все прибавлялось какого-то повседневного барахла: коробочки с французскими «затыкалочками» для ушей лежали здесь вперемешку с тубиками «веселящих» кремов, старыми, полными неистовой страсти письмами Михаила Ярушкина (последующие любовники Алёны Дмитриевой писали ей эсэмэски или электронные «мыла»), и очень может быть, она никогда не наткнулась бы на «беретту», если бы некто закодированный в ее мобильнике под именем «Др» не прислал ей эсэмэску следующего содержания: «Как мы сегодня будем?»

«Др» – так обозначался нынешний кавалер Алёны Дмитриевой по прозвищу Дракончег (лексика социальных сетей и разнообразных форумов не могла не оказать некоторого влияния на лингвистические пристрастия нашей героини). Знакомство их состоялось довольно давно и было достойно целого романа, но не о том сейчас речь ⁶.

Дракончегу до безумия нравились те веселые постельные игры, на выдумку которых была весьма горазда его изощренная подруга. Его собственная фантазия не шла дальше категоричных телефонных посланий: «Надень что-нибудь неприличное!» Ну Алёна и изощрялась, выуживая подходящие сочетания вещей из своего гардероба, который непри-

⁶ Об этом можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Академия обольщения». «ЭКСМО».

личным назвать было очень, ну очень сложно!

Надо, впрочем, сказать, что творческая мысль Алёны Дмитриевой работала непрерывно, находилась наша героиня в горизонтальном положении, вертикальном или сидела за компьютером, совершенно без разницы. Писательница, короче! Именно поэтому, стоило ей ощутить в ладони ту самую пресловутую «рубчатую рукоятку» и вспомнить про «берет-ту», как она нашла ответ на сакраментальный вопрос: «Как мы сегодня будем?»

Когда Дракончег позвонит в домофон, Алёна ему откроет, выключит свет в прихожей и встанет за дверью так, чтобы Дракончег, войдя в квартиру, ее не заметил. Вдали, в комнате, свет будет, конечно, гореть. Дракончег пройдет вперед, уверенный, что Алёна сейчас появится из комнаты, а она как выскользнет из-за двери, как упрет пистолет ему в бок. И скажет: «Руки вверх, лицом к стене!» И начнет его ощупывать и охлопывать во всех, даже самых неприличных местах, проверяя, не спрятано ли где-нибудь боевое оружие. Для Дракончегга это будет в новинку, понятное дело. Да и для самой Алёны тоже! Чем дело кончится – понятно.

Она даже засмеялась от удовольствия, так здорово это должно было получиться! Пистолет не заряжен, коробка с патронами куда-то давно потерялась. Да и зачем патроны? Она ведь не собирается стрелять в Дракончегга, боже сохрани.

Алёна загнала на место пустую вывалившуюся обой-

му, передвинула предохранитель на красную кнопку, чтобы ненароком не выстрелить... хоть пистолет не заряжен, а все же, бывает, и палка стреляет, – и пошла одеваться. Нужно выглядеть соответственно образу! Черный свитерок, черные джинсы. Хорошо бы эту маску, как ее, «чеченку», что ли, на лицо надеть. Но «чеченки» нету. Или чулок натянуть? Нет, чулки у нее дорогие, в сеточку, они надеты под джинсами... они так приятно шуршат по голой спине Дракончега... ладно, обойдемся без маски, в прихожей и так темно, а то ведь, когда они окажутся на свету, зрелище черной в клеточку (в сеточку!) физиономии может вышибить возбуждение даже из самого пылкого любовника. В таком деле главное – не переборщить.

От Дракончега пришла эсэмэска – буду-де через пятнадцать минут. Однако приехал он раньше: Алёна только-только успела переодеться, когда затрезвонил домофон. Она открыла и, хихикая от волнения, встала за дверь. Ее слегка потряхивало. «Рука дрожит, прицел будет сбит!» – подумала она и снова хихикнула. И тут же проглотила смешок: дверь начала медленно приотворяться. Алёна затаила дыхание и вжалась в стену.

Он вошел очень осторожно – наверное, темнота насто-рожила. И замер. Алёна догадалась, что он сейчас заглянет за дверь. Конечно, почувствовал, как что-то мешает ей открыться полностью! И решила опередить его: выскочила из-за двери и уперла ему в бок пистолет:

– Лицом к стене!

Он отпрянул... она тоже, потому что это оказался не Дракончег! Гораздо ниже ростом и шире в плечах, четвероугольный какой-то, как выразилась бы Наташа Ростова... Свет из дальней комнаты на миг обрисовал его резкий, чеканный, римский, можно сказать, профиль. От неожиданности пистолет дернулся в руке Алёны, а может, это дернулась сама рука, сжимавшая эту самую, черт ее дери, рубчатую рукоятку... пальцы невольно нажали на спуск – и раздался довольно громкий звук, подозрительно напоминающий выстрел хлопушки или шампанской бутылки, из которой вылетает пробка, но более всего – приглушенный выстрел.

С чего, ради всего святого, взяла Алёна, что в пистолете не осталось патрона?! В обойме-то, очень может быть, и не осталось, но он был в стволе! И кто, во имя неба, *кто* надумил ее, что передвинуть предохранитель к красной кнопке – это значит включить его?! Наоборот, красное – значит огонь, она сняла пистолет с предохранителя, вот что она сделала!

Ну и теперь выпалила газом прямо в лицо незнакомца.

Наверное, от потрясения у Алёны перехватило дыхание – это ее и спасло. Человек взвыл, задыхаясь и кашляя, отпрянул, вывалился за дверь, загромыхал по ступенькам... Алёна не думала о нем – не до того было. Кинулась в спальню, распахнула балкон. Потом на кухню. Окно настежь! Закрыла дверь в дальнюю комнату. В ее квартире привольно чув-

ствуют себя сквозняки, газ вынесет отсюда мигом. Что-то теснило ей грудь, слезились глаза. Ну, еще бы они не слезились! Алёна бросилась на кухню, высунулась в окно и только теперь позволила себе вздохнуть. Кто-то из соседей недавно жаловался на тяжелый воздух, который сделался на перекрестке улиц Ижорской и Генкиной, где стоит Алёнин дом. Ничего себе! Да это нектар, а не воздух по сравнению с той газовой камерой, которую она одномоментно устроила в своей квартире!

– Алёна! – раздался испуганный возглас, и в дверях кухни появилась высокая фигура.

– О господи, Дракончег! – Она кинулась к нему, прижалась... Ну да, иногда даже эта фуриозная эмансипатка (честное слово, Владимир Розанов словно бы про нее сказал, а не про Аполлинарию Суслову!) чувствовала, что мужчины годны не только на то, чтобы напропалую использовать их в горизонтальном фитнесе или оттачивать о некоторых из них ядовитое жало своего уязвленного самолюбия, но и на то, чтобы находить у них утешение... просто прижиматься и ничего, ничего не говорить!

Однако Дракончег молчать не собирался:

– Что тут произошло? Это газ, что ли?! Кто-то здесь стрелял из газовика?!

Алёна осторожно потянула носом. Газом еще пахло, конечно, и глаза пощипывало, но все же именно пощипывало, а не жгло.

– Ой, слушай, зря я дверь оставила открытой! – спохватилась она. – Как бы соседи не учуяли!

На самом деле она напрасно беспокоилась. Учитывая, что уже за полночь, можно не дергаться. Соседи, люди, встающие рано, уже давно и крепко спали, конечно, и их мог разбудить только взрыв бытового газа (господи, спаси и сохрани!), а не такая чепуха, как вонючка-пукалка «беретта».

Алёна торопливо закрыла дверь.

– Извини, так глупо получилось... – С пятого на десятое, путаясь в словах, обрисовала происшедшее, то смущенно лоя взгляд Дракончег, словно испрашивая прощения, то начиная хохотать. Чувство юмора у нее было, очень может быть, извращенное, но оно было, это факт, и порой поиздеваться над собой доставляло нашей героине немалое удовольствие.

– Слушай, а ведь я его видел, – воскликнул Дракончег. – Честное слово! Когда я уже собрался позвонить снизу, дверь вдруг открылась, и прямо на меня вывалился какой-то мужик, чихая и кашляя, как припадочный. Я поэтому и вошел без звонка. Он скатился по ступенькам и, шатаясь, потащился к машине. Я еще когда парковался, увидел, что на моем обычном месте какой-то «Ниссан» стоит.

– Загадочно, – сказала Алёна. – Он что, нарочно ко мне в гости приезжал? В домофоне-то он номер именно моей квартиры набирал... Вот, наверное, удивился, что я открыла, ничего не спросив, а потом еще и дверь оказалась настезь.

Приятный сюрприз для вора!

– Зато потом его ожидал не очень приятный сюрприз, это факт, – покачал головой Дракончег. – Но вообще-то патроны у тебя какие-то контрафактные были, это точно, потому что нормальный газ не мог так быстро выветриться.

– Не пойму, – сказала Алёна. – Зачем он приходил? Кто он такой? Почему звонил именно в мою квартиру? Почему вперся, как к себе домой?!

– А может, это какой-нибудь из твоих бывших? – ревниво спросил Дракончег.

Наивный мальчик... Он ревновал к прошлому своей подруги! Ревновал бы лучше к настоящему, потому что у Алёны, как у опытного шулера, всегда была в рукаве какая-нибудь запасная карта. Не факт, что козырная, но факт, что была.

– Никаких бывших у меня нет, – сухо сказала Алёна. – В том смысле, что я не хожу по старым адресам. Я совершенно не понимаю, что произошло. Может быть, он шел в другую квартиру, а нажал нечаянно мою кнопку домофона, потом вдруг видит – дверь открыта, ну, думаю, дай загляну, и... – Она нервически хихикнула. – И получил заряд газа в физиономию! Поистине, шел в комнату – попал в другую! Жалко только, что он испортил весь эффект моей интермедии.

– Интермедии? – переспросил Дракончег. – А, понимаю... Слушай, а почему ты в таком виде вообще? Где трусики-чулочки?

– Да всё на своих, природой предназначенных местах, – заверила Алёна. – А интермедия заключалась в том, что я намередовалась тебя, видишь ли, заставить исполнять мои самые извращенные желания под дулом пистолета. Но не удалось.

– Кто тебе сказал? – хмыкнул Дракончег. – Я на все готов! И он это немедленно принялся доказывать.

Далекое прошлое

Когда в 1824 году шестнадцатилетняя Аврора начала появляться на балах в Гельсингфорсе, люди при взгляде на нее напрочь теряли головы, глаза их слепли, словно смотрели на солнце, хотя имя ее – Аврора – значило не Солнце, а Заря. Впрочем, господа трезвомыслящие, едва уняв головокружение, наступившее от ее баснословного очарования, вздыхали с сожалением:

– В ней так много говорит душе, но ничего – карману!

В самом деле, красавицу никак нельзя было отнести к числу богатых невест. На счастье, трезвомыслящих людей в те поры в Гельсингфорсе оказалось удивительно мало, а потому вокруг Авроры закружился целый хоровод молодых красавцев, преимущественно офицеров, потому что Финляндия лишь недавно вошла в состав Российской империи и «право сеньора» требовалось непрерывно укреплять с помощью военной силы. Среди господ офицеров был поэт Ев-

гений Боратынский, который выразил свое восхищение красотой Авроры де Шернваль в стихах:

Выдь,дохни нам упоеньем,
Соименница зари;
Всех румяным появленьем
Оживи и озари!
Пылкий юноша не сводит
Взоров с милой и порой
Мыслит, с тихою тоской:
«Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?»

У Боратынского был приятель по имени Александр Муханов – щеголь, красавец, взгляд которого искрился бесовским синим пламенем. И черные, роскошные очи Авроры зажглись ответным сиянием.

Муханов записал в свой дневник косноязычный отзыв о красоте избранницы: «Она хороша, как бог!», немедленно позабыл всех своих многочисленных любовниц (он был не только бретер, игрок, фат, щеголь, но и неутомимый волокита) в Петербурге, в Москве, в Гельсингфорсе, в Выборге, в Риге, в Вильно, в Христианиши, в Тарту и так далее и тому подобное – и посватался к Авроре. Но едва получив ее согласие и собравшись за благословением к маменьке и отчиму Авроры, Муханов внезапно спохватился. Да что ж он делает, несчастный?! Сам без гроша в кармане (убогое Успенское,

однодворное именьице), и невесту за себя берет такую же?! Одумайся, пока не поздно, Муханов! Что? Слово дал?.. Слово, оно конечно... но разве не написал его мудрый друг Боратынский:

*Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.*

Вот и Муханов оказался в себе не властен, вот и он дал поспешные обеты, над которыми сейчас, конечно, хохочет всевидящая судьба. И, чтобы не слышать этого хохота, он немедленно объявил себя чахоточным больным, просто-таки умирающим, а потом пустил в ход все свои связи, которые помогли бы ему перевестись из «гибельной финляндской сырости» в Петербург.

Ну да, там ведь сушь каракумская!

Мезенск, 1942 год

Лиза шла по обочине, воровато озираясь. Туда-сюда проезжали автомобили и грузовики, однако никто не обращал на нее внимания. Вот и замечательно!

Дорога оказалась удивительно хорошая, Лиза только диву давалась. Даже в Подмосковье она не помнила ничего по-

добного, а уж в Горьком-то... Это ведь не асфальт, не бульжник – это толстые плиты, вроде бы бетонные. По такой дороге только на танках мчаться – аж до самой Москвы...

И они ведь домчались! Боже, спаси Россию!

Вдруг очередной автомобиль, обогнавший ее, не просто погнался, но и притормозил у обочины. Задняя дверца распахнулась.

Ах ты черт, сглазила ведь, а?!

Лиза замерла. Чего от нее захотят? Спросить дорогу? Куда? А не все ли равно куда, если она ее и сама не знает! И что же она будет отвечать, если ее спросят?!

– Неужели это вы?

Из автомобиля выскочил высокий офицер в сером армейском мундире и с видом искреннего восторга уставился на Лизу:

– Фрейлейн! Неужели это вы?!

Вернер! Черт его принес, ну откуда он только взялся?! Вот же привязался, а? Просто спасенья от него нет.

– А я вас искал на берегу. Там кошмар... – Его оживленное лицо на миг помрачнело. – Фон Шубенбах лишился сознания, когда увидел двух растерзанных пулями женщин. Впрочем, его собственная рана оказалась не опасна. Его отправили в госпиталь, он просил передать вам свою искреннюю благодарность за спасение его жизни.

– Да? – пробормотала Лиза, не зная, что говорить, что

делать, а главное, как избавиться от этого докучливого фашиста.

– Что, не верите? – вскинул брови Вернер. – И правильно делаете. Шубенбах ничего не просил вам передать, но не потому, что он такое бревно, а потому, что он был без сознания от потери крови и от потрясения. А ведь он фронтовик. Все-таки наблюдать гибель солдат, это одно, а такое...

Он сокрушенно покачал головой, но тут же радостно улыбнулся:

– Не представляете, как я счастлив видеть вас живой, не раненой... правда, ваш купальный костюм шел вам куда больше, чем это мрачное платье. – Он довольно бесцеремонно рассматривал Лизу. – Извините, я иногда бываю бестактен. Хотите знать почему? Впрочем, я расскажу вам об этом потом, по пути в город. Вы позволите вас подвезти?

«А не провалиться ли тебе туда, откуда ты взялся?» – мрачно подумала Лиза. Интересно, что будет, если она откажется прокатиться с этим обер-лейтенантом в его сером автомобиле? Кажется, это «Опель»: до войны несколько таких авто роскошно разъезжали на Горькому, затмевая даже «Эмки», которые считались самыми лучшими, только для начальства... Довольно роскошная машина для самого обыкновенного обер-лейтенанта. Вроде бы именно так – обер-лейтенантом – называл Вернера фон Шубенбах. Ага, значит, такое расположение на погонах позолоченных пуговиц с выдавленными на них римскими и арабскими циф-

рами означает, что человек находится в чине обер-лейтенанта. Лизе этого вовек не запомнить, не стоит и пытаться, она и советских-то воинских званий отродясь не различала, вот еще голову фашистскими забивать не хватало! Кстати, а почему просветы на погонах и в петлицах светло-красные? Лиза раньше думала, что у всех фашистов знаки отличия черные. А что означает светло-красный цвет?

Ой, о чем она только думает? Да вовек бы этого не знать, этих фашистских различий!

– Ну так что, фрейлейн, позвольте мне вас подвезти? – Голос Вернера вырвал Лизу из совершенно неуместной задумчивости.

Она неуверенно улыбнулась. Вот ведь пристал, а?

– Садитесь, садитесь! – настаивал Вернер. – Мы в два счета будем в городе. Кроме того, у нас, как всегда... как это говорят русские? Начинают махать руками после того, как бой окончен? Ну, какая есть на эту тему русская поговорка, напомните, пожалуйста?

– После драки кулаками не машут, – сказала Лиза.

– Совершенно верно, – обрадовался Вернер и повторил эту фразу по-русски, причем вполне чисто: – После драки кулаками не машут! А у нас только так и делают. И сейчас, можете не сомневаться, в городе происходит именно это. Удвоенны и даже утроены патрули на улицах, идет усиленная проверка документов. На каждом углу стоят местные полицейские, или, как их тут называют, полицаи. – Это сло-

во он тоже произнес как бы по-русски. – Хватают для тотальной проверки всех подряд, прежде всего пешеходов, хотя это полная чушь: ведь тот мерзавец, расстреливавший нас с самолета, отнюдь не пешком ходил, и вообще, он уже давно улетел, мы все – жертвы его нападения, и военные, и гражданская публика. Однако разум частенько отказывается в таких ситуациях, и страдают в первую очередь те, у кого не в порядке документы...

Лиза, доселе слушавшая его вполуха, растерянно хлопнула глазами. Он говорил с каким-то явным намеком, этот Вернер. Документы? А у нее вообще есть документы? В смысле, они были у той, погибшей женщины? У самой Лизы давным-давно не было никаких документов, она даже и забыла, как Баскаков рассказывал: в городе фашисты их чуть ли не на каждом шагу проверяют. Может быть, та желтоватая книжечка, которая лежит в суконном конверте, и есть документ? Ужасно захотелось на нее посмотреть. Вроде бы новые паспорта называются аусвайсы, вот как! А вдруг эта книжечка – не аусвайс? И там фотография есть или нет? Если есть, это, конечно, не ее фотография. Значит, доставать аусвайс нельзя. Вернер непременно это заметит. Черт, какая она дура! Почему не заглянула во все эти бумаги на берегу? Страх, паника, конечно, все понятно, но это теперь может обернуться гибелью. А если Вернер спросит, как ее фамилия?! Имя-то она знает благодаря записке Эриха Краузе, но как фамилия той Лизочки?

Что делать?

Остается только опередить Вернера. Наступление – лучший способ обороны, кто это сказал? Кто-то из военных. Вроде бы Лиза где-то читала, что авторство приписывается не то нашему генералу Брусилову, не то английскому маршалу Фошу. Наверное, эта мысль рождалась у каждого, кто попадал в безвыходное положение. И если бы даже эта фраза не была произнесена раньше, Лиза непременно высказала бы ее сейчас. То есть не вслух, понятное дело, а осуществила бы, так сказать, действием.

– Мне что, ауцвайс вам предъявить, что ли? – сказала она с обиженным видом и положила руку на замочек сакво-яжа.

– А зачем? – усмехнулся Вернер. – Я и так знаю... – Он подтолкнул ее к автомобилю.

Лиза пошла, как во сне, не чувствуя ног... это расхожее выражение вдруг прочувствовалось ею как нельзя лучше. Она села, вернее, плюхнулась на неудобное кожаное сиденье.

– Я и так знаю, что ваши документы окажутся в полном порядке.

Вернер захлопнул дверцу, обошел автомобиль и сел за руль. «Опель» тронулся.

– Это почему же? – спросила Лиза и откашлялась: голос звучал так хрипло, как будто кто-то невидимый давил ей на горло.

– Да ведь я прекрасно понимаю: кто попало с какими по-

пало документами просто не оказался бы на берегу в компании германских офицеров, – усмехнулся он. – К тому же вы о своих бумагах совершенно не беспокоитесь. Они ведь у вас в саквояже лежат, не правда ли? Вернее, валяются как попало. Именно так заведено у хорошеньких беспечных девушек, которые уверены, что даже во время войны с ними ничего не случится плохого! Я как-то раз случайно стал свидетелем одной серьезной проверки документов. Остановили двух сельянок, которые привезли продукты на базар. У каждой девушки под кофточками были нарочно пришитые кармашки для аусвайса и мельдкарты. Документы у них были обернуты в бумажку, завязаны в чистые тряпочки и спрятаны так, что даже при самом смелом обыске не отыщешь!

Вернер хохотнул, оглянулся на Лизу, и та поняла, что надо если не поддержать веселье, то хотя бы изобразить, что поддерживаешь. Она представила, что к уголкам губ пришиты две такие специальные веревочки, и потянула за них.

Губы раздвинулись в улыбке.

«Мельдкарта, мельдкарта... А это еще что за чертовщина?! – всполошенно подумала Лиза. – Она у меня есть, интересно знать? Наверняка есть. В смысле, не у меня, а у Лизочки она наверняка должна была быть!»

– Правда, история в конце концов кончилась не слишком весело, – со вздохом продолжил Вернер. – Документы у девушек оказались фальшивые, к тому же сработанные весь-

ма топорно. Фотографии явно переклеены с других документов, причем выглядели куда старше, чем аусвайс. Да и печати... Они были нарисованы очень убого, поддельные буквы на снимках отличались от действительных на странице аусвайса и выглядели кривыми, словно от влаги расплозлись. Ну, конечно, девушки оказались партизанками, которые пробирались в город. Удивляюсь я этим русским: сами же навлекают на своих людей опасность провала, ну разве можно так безответственно подходить к столь тонкому, деликатному делу, можно сказать, искусству, как *l'espionnage!*

Лиза слушала его, стиснув ручку саквояжа.

Ее так и трясло. Девчонки... бедные девчонки! Что же с ними теперь? Убили, конечно. Ужас какой!

И ее наверняка ждал бы такой же ужас, если бы она поддалась на уговоры тех людей, которые приходили сначала просить, потом требовать, потом угрожать... тех людей, от которых она бежала!

– Честно говоря, – задумчиво протянул обер-лейтенант, – я поторопился отказаться взглянуть на ваши документы.

У Лизы перехватило дыхание.

– Мне ужасно хочется посмотреть на них – просто для того, чтобы узнать, как вас зовут! – смущенно усмехнулся Вернер.

«Да чтоб ты... чтоб ты пропал, фашист проклятый!»

Чтоб ты провалился со своими кретинскими шуточками!»
– *Для этого не обязательно смотреть мой аусвайс, – снова потянула она за веревочки, пришитые к уголочкам губ. – Я и так могу вам сказать, что меня зовут Лиза.*

Свою новую неведомую фамилию она решила пока придержать. Может, и не пригодится.

– *А меня – Александер, можно просто – Алекс! – Оторвавшись от руля, обер-лейтенант протянул ей руку. – Обер-лейтенант Алекс Вернер. Очень рад знакомству, прекрасная дама!*

Пришлось поручкаться с ним, а что делать?!

Алекс Вернер на миг задержал пальцы Лизы в ладони и с явным сожалением вернулся к рулю.

– *У вас очень красивые руки, – сказал он с восхищением. – Я неравнодушен к таким пальцам, как ваши: длинным, музыкальным, суживающимся к концам. Ах, как вашим чудесным ногтям нужен роскошный маникюр! Понимаю, в России этой сейчас непросто. Вообще в наше время так немногие женщины по-настоящему тщательно следят за собой! Вы знаете, меня поразила в парижанках вовсе не их красота – на самом деле они не столь уж и красивы, русские женщины гораздо лучше, на мой взгляд, – но их ухоженность. Парижанки – совершенно особенные женщины. Не секрет, что сейчас выпускается очень мало чулок. Шелк, шерсть, хлопок – это стратегические материалы... Здесь женщины непременно носят чулки, точнее, прячут свои ноги в эти*

кошмарные хлопчатобумажные мешки, которые у вас называются чулками. Хорошо, что вы не следуете их жуткому примеру. В Европе чулки теперь не носят от холодов до холодов. Иногда их имитируют на коже с помощью специальной краски для ног и карандаша для бровей, которым рисуют сзади «шов». Вообще очень распространена манера носить летнюю обувь на босу ногу, без чулок и носков. Так вот – парижанки умудрились недостаток сделать достоинством! В Париже теперь в большой моде педикюр, причем ногти покрывают очень ярким лаком. Лак можно купить в любой аптеке. Эта мода действует на мужчин просто сногшибательно! Кстати, должен сказать, что ваш купальный костюм тоже произвел на меня потрясающее впечатление, – вдруг изменил он тему. – Это ведь отнюдь не русское производство, верно? А то, что я наблюдал здесь на женщинах, это их так называемое белье... Liber Gott! Мой старинный приятель Эрих Краузе завел себе тут подругу – из русских, сами понимаете, – и я по его просьбе привозил ей презент из Парижа. Отличное шелковое трикотажное белье фирмы «Le Flamant», которое так и обливает тело, и чулки из настоящего *fil de Perse*. Надеюсь, девушка была счастлива, как вы думаете, Лиза?

Лизе почудилось, что отличное шелковое трикотажное белье фирмы «Le Flamant» обливает ее тело, словно раскаленный металл.

Она тупо кивнула. Девушка была счастлива... Знал

Алекс Вернер подругу Эриха Краузе в лицо? Видел ее когда-нибудь? Не потому ли он обратил внимание на платье Лизы, что уже видел другую девушку, другую Лизу, одетую в это же самое платье? Тогда получается, что он играет с ней, как кошка с мышкой. И эти разговоры о фальшивых документах... Не намек ли это на то, что Вернер отлично знает: аусвайс и эта, как ее, мельджарта в саквояже принадлежат не Лизе, то есть Лизы, но другой! Вот ситуация, ужас. Хоть топись!

Как себя вести? Изображать неведение, непонимание, наивность? Или попытаться объяснить ситуацию? Да черта с два ее объяснишь! Что за игру ведет этот фашист? Совершенно непонятно!

– Вы, наверное, не можете понять, о чем я? – послышался в эту минуту голос «этого фашиста». – Наверное, мой интерес к тряпкам кажется вам чем-то диким? Этому есть объяснение, но это долгий разговор. Сейчас заводить его не время, мы в городе, меня ждут дела, да и вы спешите, наверное. Куда вас отвезти, скажите адрес?

Лиза невидяще посмотрела по сторонам и не сразу осознала, что придорожный ландшафт как-то незаметно сменился на городские улицы, довольно, впрочем, убогие, с деревенскими какими-то домами, стоявшими или в глубине садов, или за маленькими палисадниками. Проезжая часть была заасфальтирована, кое-где замощена, однако вместо тротуаров лежали деревянные мостки или просто плотно

убитая земля. Так вот он какой, Мезенск...

Вернер спрашивает, куда ее отвезти. Но она представления не имеет, где живет, то есть жила, Лизочка Петропавловская. В любом случае этому странному и пугающему типу не нужно этого знать. Нужно от него отделаться, но как? Ага, вспомнила!

– Мне нужно на Полевую, сорок два.

– Вы там живете?

– Нет. Просто там ломбард. Мне нужно...

– Ломбард? – изумленно повторил Вернер. – Неужели ваша жизнь так нелегка, что вы закладываете вещи в ломбарде? Кстати, где вы работаете? Могу я взглянуть на вашу мельдкарту?

Лиза стиснула зубы. Опять началось! Черт его подери!

Она щелкнула замочками саквояжа, сунула руку внутрь и, расстегнув на ощупь суконную сумочку, покопалась в ней. Так... шершавый листок – это квитанция из ломбарда, тетрадка, рядом сложенный вдвое листок из более плотной бумаги и еще что-то вроде тонкой картонки. Делать нечего, придется рискнуть.

Лиза вытащила картонку.

Вернер покосился на нее, не выпуская руля:

– Елизавета Пет-ро-нав-лов-ска-яа... Liber Gott, русские фамилии созданы на погибель цивилизованному миру! Петропав... нет, я не смогу повторить, не смогу ни за что и никогда! – Он захохотал, а Лиза вздохнула чуточку свободнее.

Кажется, Вернер не знал фамилии той, другой Лизы, приятельницы Эриха Краузе. Иначе немедленно бы прицепился. А так он просто хохочет. Слава богу, хоть в чем-то повезло.

Впрочем, Вернер тотчас оборвал смех:

– Где, где вы работаете? В ресторане «Rosige rosa»?!

Интересно, чему он так удивился? «Rosige rosa» в переводе с немецкого – «Розовая роза». Немножко слишком сладко, но вполне подходящее название для ресторана.

– Неплохое местечко «Rosige rosa», – задумчиво сказал Алекс Вернер. – Прекрасная кухня и обслуживание, особенно обслуживание... Я там бывал несколько раз, но ни разу вас не видел среди официанток.

– Я... только недавно туда устроилась, – пробормотала Лиза. – Поэтому вы меня и не видели.

– Понятно, – кивнул Вернер. – Если точнее, судя по документам, вы там будете работать с завтрашнего дня. То есть с завтрашнего вечера, ведь ресторан днем закрыт. Ну что ж, теперь у меня появился повод захаживать туда гораздо чаще, благо в «Rosige rosa» самая приятная атмосфера. Кстати, говорят, ваша начальница, фрау Эмма, – наполовину русская, из какой-то весьма значительной семьи. То есть семья эта до революции была значительной, а после подверглась репрессиям. Фрау Эмма невероятно благодарна оккупационным войскам, встречала их хлебом-солью, а теперь вот взялась за такое трудное дело, как устроить приятный досуг господам офицерам. – В голосе его послыша-

лись странные интонации. – Но после того как вы станете работать у фрау Эммы, вам вряд ли придется прибегать к услугам ломбарда. Я слышал, что любая девушка из «Rosige rosa» может очень недурно заработать, если, конечно, умно себя ведет. Вы как относитесь... к умному поведению?

Вернер покосился на Лизу с прежним насмешливым выражением.

– А что это, по-вашему, – вести себя умно? – спросила она настороженно.

– Это значит, что девушка заводит себе покровителя, который заботится о ней. Женщины вообще нуждаются в защите, а во время войны – гораздо больше, чем в мирное время.

Лиза вспомнила свою былую жизнь. Ее никто не защищал, кроме мамы, а после ее смерти количество защитников свелось до нуля. А когда началась война... защитницей хотели сделать ее! Защитницей родины. Жалкую женщину – защитницей огромной страны! Как будто мужчин мало.

Разумеется, ничего этого Алексу Вернеру говорить не стоило, Лиза это отлично понимала. Впрочем, Вернер и не ждал ее мнения, а продолжал говорить:

– А у вас уже есть постоянный друг или вы надеетесь найти его в «Rosige rosa»? Я слышал, там порядки хоть и строгие, но не драконовские, даже человеческие. Фрау Эмма поощряет прочные связи своих, с позволения сказать, девушек с германскими офицерами, и если в зале появляется по-

стоянный друг красавицы, она может провести с ним весь вечер, даже если уже приняла заказ от другого посетителя. Ему будет предложено сделать другой выбор или прийти в другое время, когда девушка освободится.

Лиза сидела окаменев, неподвижно глядя перед собой. Под ветровым стеклом лежали тонкие кожаные мужские перчатки. Наверное, это были перчатки Вернера.

Боже ты мой, чем дальше в лес, тем больше дров...

– Вы молчите? – послышался надоевший голос Вернера. – Молчание у русских – знак согласия? У вас нет приятеля?

Лиза с мученическим выражением посмотрела в окно – и вдруг увидела, что они спокойнехонько проезжают мимо дома, на котором висит табличка: «Полевая ул., 42», а рядом вывеска с надписью на двух языках: «Pfandleihhaus. Ломбардъ».

Первым шло слово по-немецки, а потом по-русски, причем с Ъ – ером на конце. При этой букве Лизе почему-то стало тошно, хотя раньше, когда ей приходилось читать книги в старой орфографии, всякие там яти, еры, ижицы и фиты ее, скорей, умиляли, чем раздражали.

Но это в книгах. А на самом деле... Твердый знак на этой вывеске значил неизмеримо больше. Хозяин ломбарда явно был из тех, кто старой орфографией приветствовал пресловутый новый порядок, *neu ordnung!*

Ладно, черт с ним, с хозяином, Лизе нет до него никакого дела, главное, что они наконец-то добрались до ломбарда и

можно избавиться от Вернера. Надо надеяться, что он не потащится за Лизой в это унылое заведение.

– Мы приехали, господин обер-лейтенант! – радостно воскликнула она и схватилась за ручку дверцы, хотя автомобиль еще не остановился. – То есть мы даже проехали!

Вернер с явной неохотой сдал назад.

– Спасибо, герр обер-лейтенант, – отчеканила Лиза так лихо, как будто всю жизнь только и делала, что обращалась к германскому офицерскому составу. – Я вам очень, очень признательна, а теперь до свидания, мне так неловко, что я вас задержала... Огромное, ну вот очень большое спасибо!

И она выскочила из автомобиля с невероятным проворством, однако, обежав «Опель», снова наткнулась на Вернера, который оказался еще проворней и успел не только выбраться из автомобиля, но даже стоял на ступеньках ломбарда.

– Момент, – сказал он, – один момент, фрейлейн Лиза. Я, конечно, спешу, но не настолько, чтобы бросить в трудной ситуации красивую женщину. Я слышал, что каждый Wucherer, ростовщик, непременно Räuber – грабитель. Поэтому позвольте, я возьму на себя переговоры с этим чудовищем. Прошу вашу квитанцию.

У Лизы пересохло в горле. Честное слово, ей мало кого приходилось в жизни так ненавидеть, как этого типа! Да он ведь издевался над ней каждым своим словом, каждым

взглядом своих насмешливых серых глаз, определенно издевался! И не поспоришь с ним. Придется отдать ему квитанцию. Но как же исполнить просьбу Лизочки? Удастся ли улучшить минутку и сообщить о ее смерти?

Ладно, сориентируемся на месте. Сейчас нужно квитанцию Вернеру отдать.

Лиза запустила руку в саквояж, нашарила суконный конверт и выудила оттуда шершавый листок. «Еще бы знать, что я вообще сдавала, – подумала она мрачно, – в смысле, не я, а Лизочка. Сейчас спросит, а я что отвечу?!»

Вернер с изумлением разглядывал квитанцию.

– Ну и почерк, *Mein Liber Gott!* – проворчал он. – Истинное несчастье, а не почерк! Да еще и по-русски! Неужели вы тут что-то понимаете?

Вот он сейчас как спросит, что сдавала Лиза в ломбард...

– Главное, чтобы свой почерк понимала приемщица ломбарда, – довольно нахально ответила Лиза и толкнула дверь, не дожидаясь, пока это сделает Вернер.

Ему ничего не оставалось, как оставить расспросы и пойти за ней.

Нижний Новгород, наши дни

Алёна потянула на себя дверь и озадачилась – та не открывалась. Она пригляделась – не поставили ли какой-то новый особый замок, – но нет, эта общая дверь как была раньше

без замка, так и оставалась. Замок с радиотелефоном был на двери, которая вела собственно в редакцию газеты «Карьерист». Но до нее еще предстояло дойти.

– Да что такое? – удивилась Алёна, посильнее дергая дверь, как вдруг она пошла в противоположном направлении, словно кто-то резко потянул ее на себя, и Алёну буквально втащило в коридор вслед за дверью, которую и впрямь сильно потянул на себя крепкий седой человек среднего роста с загорелым морщинистым лицом, которое почему-то невольно наводило на мысль об Альпах, горных лыжах, дорогих отелях, кругленьком счете в банке и разной прочей иностранщине. Вот именно – во всем облике человека, который таким примечательным образом помог нашей героине войти, было что-то безумно иностранное. А впрочем, не что-то, а все, начиная от твидового пиджака с кожаными заплатами на локтях и заканчивая голливудской, разумеется искусственной, но все же ослепительной улыбкой. Буржуй, короче, типичный! Однако прежде всего Алёну поразила его сила. Барышня она была, мягко говоря, не хрупкая: рост 172 сантиметра, вес 65 килограммов, – однако вот так запросто... при том что господин буржуй был, несмотря на внешний глянец, весьма преклонных лет. Его выдавали выцветше-серые глаза. В них не отражалась улыбка, в которой он весьма охотно сушил свои замечательные зубы. В этих глазах вообще сквозило полнейшее равнодушие к жизни, которую он наблюдал слишком, слишком долго... лет

этак 85 – и это самое малое!

– Ой, батюшки, – сказала Алёна, несколько растерявшись. – Извините. Я забыла, что дверь открывается вовнутрь, и почему-то пыталась открыть ее наружу.

– Извините и вы меня, что я не позволил ей выполнить ваше пожелание, – до невероятности галантно сказал буржуй по-русски, но весьма иноземным голосом. – Это непрости- тельная оплошность с моей стороны!

– Как здорово вы говорите по-русски! – восхитилась Алёна.

Вроде бы буржуй должен был обрадоваться этому весьма искреннему комплименту, но он почему-то огорчился:

– А что, мое иностранное происхождение так заметно?

– Честно говоря, оно так и бьет по глазам! – засмеялась Алёна. – А почему это вас огорчает? Вы, может быть, шпион, который решил слиться с массой русского народа и устроить тут какую-нибудь идеологическую диверсию?

Черт знает что она порола. Черт знает что было в этом старике, что заставляло ее чувствовать себя совершенно свободно, раскованно и даже, так сказать, шаловливо. Может быть, вся штука заключалась в том, что единственным чувством, которое все же отражалось в его глазах, было искреннее восхищение персоной нашей героини?

– Нет, я не шпион, – усмехнулся буржуй. – Честное слово. Я прибыл в ваш город из Дрездена по частному делу, которое меня очень интересует. А говорю я по-русски так хорошо

потому, что некогда учил русский. Конечно, это было давно, однако в моей жизни случились некоторые обстоятельства... была одна женщина, в память о которой я не позволял себе забыть этот язык.

– Вы были в нее влюблены? – спросила Алёна и тут же устыдилась собственной наглости.

– Я до сих пор в нее влюблен, хотя ее уже почти семьдесят лет как нет на свете, – последовал поистине ошеломляющий ответ.

– Господи Иисусе! – воскликнула Алёна. – Простите, но вам...

Да, ей удалось вовремя остановиться, не ляпнуть вопиющую бестактность. Наверное, не только у женщин не стоит спрашивать о возрасте, но и у таких глубоких, глубочайших, замшелых, можно сказать, мафусаилов, как этот. Ему наверняка за 90 уже, он просто выглядит моложе. Да уж, его никак не назовешь замшелым!

– Сказать, что я очень стар, – значит ничего не сказать, – усмехнулся удивительный буржуй. – А между тем я еще не впал в маразм, люблю путешествия и равнодушен к женской красоте. И мне хочется сказать вам, что вы чем-то напомнили мне ту женщину. Хотя она была несколько младше, когда погибла... ей было двадцать пять или двадцать шесть лет, а вам... вам ведь, прошу меня извинить, несколько за тридцать?

Нашей героине было куда-а больше, однако она не могла

не оценить изящество комплимента и улыбнулась.

– Да, – проговорил старик, испытующе глядя на нее. – Когда я встречаю красавиц разных лет, которые напоминают мне ее, я всегда представляю, какой она стала бы с течением времени, не погибни тем июньским днем, когда подписала мне на память свое фото. Представляю, как она выглядела бы в тридцать, сорок, пятьдесят... в восемьдесят или в девяносто лет... хотя, от души надеюсь, она упокоилась бы гораздо раньше.

– Надеетесь? – изумилась Алёна. – Вы не хотели бы, чтобы она жила долго?!

– Я бы не хотел, чтобы она жила чрезмерно долго. Женщины не должны себе этого позволять. Они... как бы это сказать... – Он прищелкнул сухими, словно бы пергаментом обтянутыми пальцами – с отличным, впрочем, маникюром. – Они изменяются слишком уж безвозвратно!

– Ага, – усмехнулась Алёна и обиженно, и в то же время с той поразительной свободой, которую она ощущала в присутствии этого человека. – Долгожительство – привилегия мужчин! Понимаю. Где-нибудь в Америке вас непременно привлекли бы за сексизм или за что-нибудь еще в этом же роде!

– Например? – вскинул он седые брови.

– Ну... – туманно сказала Алёна. – За что-нибудь. Американцы уж нашли бы за что! А вообще я что хочу сказать? Что современная косметология дает женщинам возможность

выглядеть очень классно и очень долго!

– Дело не в количестве морщин, вы меня неправильно поняли, – сказал буржуй-сексист, пожав плечами. – Дело в том, что женщины становятся избыточно мудрыми в преклонных годах. Они не способны ничему удивляться, и с ними бывает невероятно скучно.

– Конечно, – ядовито хмыкнула Алёна, – а со старикаш... я хотела сказать, с мужчинами в годах, конечно, жутко весело!

– Жутко не жутко, но весело, – сообщил буржуй, которого скромным нельзя было назвать даже под пыткой. – Вот вам со мной разве не весело? Ну вот положи руку на сердце – признайтесь!

Алёна положила руку на левую сторону груди, где у людей, как правило, расположено сердце (оговорка необходима, поскольку ей приходилось общаться с особями, у которых данный орган отсутствовал просто по определению), и призналась:

– Весело!

– Ага! – обрадовался старикан. – А все почему? Потому что я вами восхищен и не скрываю этого! Засим прощайте, прекрасная дама. Не смею вас более задерживать!

И он галантно посторонился, пропуская Алёну в коридор.

– Спасибо! – от души сказала наша героиня. – Будьте здоровы!

Ей почему-то захотелось пожелать ему непременно встре-

титься на небесах с той, которую он любил, но это было бы... это было бы как-то уж чересчур! Поэтому она просто улыбнулась старику на прощанье и пошла к двери редакции.

У Алёны Дмитриевой тут было дело. Газета «Карьерист» вовсе не являлась органом эгоцентристов и дельцов в одном лице, как можно было бы подумать по названию. Это была деловая, но живая, веселая газета, в которой много писали о хороших книгах – о книгах, между прочим, нашей героини писали тоже, так что не удивительно, что эту газету наша героиня любила, а с редактрисой ее, которую звали Марина, даже могла бы подружиться, не будь они обе так сильно заняты своими делами. Впрочем, дружить с женщинами у Алёны как-то не слишком получалось, так уж сложилось исторически! Марина уже целый год собирала со всей интеллигенции Нижнего, которую частенько удостаивала своим вниманием, книги для сельских библиотек. Алёна приволокла в «Карьерист» гору своих книг, за что даже почетную грамоту получила от газеты, поскольку, как это ни странно, ее книжки были любимы если не всем народом, то хотя бы некоторой его частью. Марина собиралась отвезить по библиотекам очередную порцию интеллектуального чтения, однако ей вдруг взбрело, чтобы писательница Дмитриева свои книжки подписала для благодарных читателей. Якобы это ее гражданский долг, во как! И писательница Дмитриева, которая своими благодарными читателями очень дорожила, явилась, как пионерка, по первому зову!

Алёна вошла в редакцию «Карьериста» – и немедленно насторожилась. В этом приятном помещении, где всегда пахло хорошим кофе, типографской краской и газетной бумагой (вот это совершенно непонятно почему, ведь газету печатали в типографии, а здесь ее только придумывали, набирали на компьютерах и верстали на них же!), сейчас отчетливо пахло бедой. То есть кофе там тоже пахло, но его аромат перебивался духом тревоги и озабоченности.

У красавицы-брюнетки Марины было потемневшее, осунувшееся лицо, и Алёна, само собой, чуть поздоровавшись, спросила, что случилось. Оказалось, в самом деле случилось весьма неприятное событие: пропали две редакционные сотрудницы, корреспондент и фотограф. Пропали они еще вчера утром, уехав вместе по заданию. Отправились они на редакционной машине, однако машина, не сделав и километра, сломалась и кое-как вернулась в редакцию, а девушки отправились дальше, в центр Сормова, на общественном транспорте. И сгинули!

Мезенск, 1942 год

Неизвестно, что ожидала Лиза увидеть в этом ломбарде – да ничего не ожидала, потому что в мирной жизни своей она не была столь уж частой посетительницей ломбардов, а если прямо сказать, явилась туда впервые, – но на счет приемщицы она дала маху. Никакой приемщицы в этой

тесной комнатухе, где стояли две табуретки для посетителей, а угол был отгорожен не слишком уклюдим прилавком, и в помине не было. Вместо нее за прилавком сидел просто-таки иконописный старикан: серебряно-седые, в скобку постриженные волосы, столь гладко обливавшие голову, что напоминали шлем, постное – даже губы поджаты от постности! – выражение морщинистого лица, украшенного небольшой и очень аккуратной бородой. Имели место быть также и усы, которые несколько искажали картину общего благообразия, потому что обладали характерным желтоватым оттенком, свидетельствующим о том, что старый постник курил, а значит, был суцим ханжой и фарисеем, коли придавался дьявольскому пороку при столь святейшем облике. Черная косоворотка в белый горошек из вылинявшего сатина чем-то напомнила Лизе ее платье, и она непременно дала бы себе клятву никогда его больше не надевать, когда бы имела чем заменить...

– Черт меня побери! – изумленно сказал Алекс Вернер. – А старикашка здорово выпадает из образа! Здесь должен бы стоять какой-нибудь жид в пейзах и ермолке, этакий типичный Шейлок с отчетливо читаемой во взоре жаждой вырезать у каждого истинного арийца изрядный кусок живого мяса. А я наблюдаю истинное русское благообразие!

По мнению Лизы, старикашка с этим своим тошнотворным благообразием очень сильно напоминал Луку из пьесы Горького «На дне», но углубляться в литературные аллюзии

она не стала.

– А впрочем, – проговорил Вернер, склоняя голову то к одному плечу, то к другому и меряя ростовщика таким взглядом, словно мерку с него снимал, – откуда же тут взяться колоритному Шейлоку? Всех местных евреев еще полгода назад отправили в гетто, так что придется довольствоваться тем, что есть, вернее, тем, кто есть. По-слу-шай-те, милей-ший, – перешел он на неуверенный, но вполне вразумительный, хотя и несколько замшелый русский, – не откажите взглянуть вот на эту кви... кви... quittance!

Тут он сбился, чертыхнулся, пожал плечами, но старик пришел на помощь:

– Я говорю по-немецки. Позвольте вашу квитанцию, герр обер-лейтенант.

– В самом деле говорите – и очень недурно! – обрадовался Вернер. – Прошу, взгляните. Впрочем, квитанция не моя, а вот этой прелестной фрейлейн, но я ее добрый знакомый, а потому счел нужным лично сопроводить даму.

– Понимаю, – сказал старик, переводя бледно-голубые, словно бы выгоревшие глаза на Лизу. – Вы желаете забрать свою вещь?

Она стояла столбом.

Что делать? Что сказать? Исполнить просьбу умирающей невозможно – при Вернере-то! Хороша же она будет, передавая привет от погибшей! Ладно еще, вовремя выяснилось, что Вернер недурно понимает и говорит по-русски.

Вот гад, и где только наловчился?

А если старик-приемщик помнит Елизавету Петропавловскую? И сейчас спохватится – да как заорет: «Да ведь это не ваша квитанция! Вы ее украли!»

Если старик даже и собирался сделать что-то в этом роде, он не успел.

– Вот именно! – вмешался Вернер. – Фрейлейн желает забрать свою вещь. Назовите сумму, я уплачу.

Лиза дернулась было возмущенно: «Нет, нет, что вы!» – но Алекс Вернер и бровью не повел, доставая из кармана обширный бумажник.

– Сколько? Сто марок? Двести? Пятьсот? – спросил он с самой беззаботной улыбкой.

– Нет, это слишком много, герр обер-лейтенант, – наиприветливейшим образом улыбнулся старикашка. – Залог выплачен почти полностью. Остался последний взнос – всего-навсего двадцать пять марок. И милая барышня сможет забрать свой медальон.

*– Всего двадцать пять марок? – явно разочарованно повторил Вернер. – Ну вот, а мне так хотелось тряхнуть кошелем и выступить в роли поистине щедрого рыцаря *sans crainte et reproche!*⁷*

Лиза молча смотрела на старика. Если залог выплачен почти весь, значит, настоящая Лиза Петропавловская бывала здесь не единожды. И старикан не мог ее не запомнить.

⁷ Без страха и упрека (франц.).

Однако в его бледных глазах не видно никакого сомнения. А может быть, он еще не сообразил, что происходит? Или раньше тут был другой приемщик, а старик просто не знает Лизу?

Скорей всего, так и есть! Вот повезло, ну просто невероятно повезло!

Старик принял от Вернера деньги, тщательно пересчитал и сел за маленький и неудобный письменный стол, покрытый кухонной клеенкой с давно выцветшим и неразличимым узором. На клеенке лежали гроссбухи и стоял очень красивый, можно сказать, даже роскошный чернильный прибор каслинского литья, находившийся в вопиющем противоречии с убогой обстановкой ломбарда. «Наверное, кто-то сдал, а выкупить не смог», – подумала Лиза и почувствовала неприязнь к этому «скупому рыцарю». Наживаетесь на чужих несчастьях! Кому война, а кому мать родная, кажется, так говорится?

– На чье имя прикажете выписывать квитанцию о приеме денег? – спросил старик, переводя взгляд с Вернера на Лизу и беря плексигласовую ручку с вставленным в нее перышком.

Лиза посмотрела на нее с отвращением. Точно такая была у Фомина... Кажется, ею не пользовались со времени покупки в магазине – совершенно новенькая, с блестящим перышком «рондо», она торчала в стаканчике рядом с тупым химическим карандашом. Тут же стояла высохшая

чернильца-непроливайка. Она тоже была не нужна, потому что Фомичев писал только химическим синим карандашом. Слюнил во рту и, крепко сжав в толстых пальцах, корябал по тетрадному листку, присапывая от старания.

Лиза передернулась от тошнотворных воспоминаний, но тут же опомнилась и прислушалась к разговору.

– Мне никакой квитанции не нужно, – проговорил между тем Вернер. – Выпишите ее для фрейлейн.

– Как прикажете, – кивнул старичок и принялся листать гроссбух, бормоча: – Эн, О, Пэ... Па, Пе... – Найдя что искал, он взял ручку и начал писать, приговаривая: – Елизавета Петропавловская, адрес: улица Липовая, 14 а. Ничего у вас не изменилось, фрейлейн? На другую квартиру не переехали?

Лиза молча покачала головой. Она смотрела на старика. Он держал ручку как-то странно, хотя в чем странность, Лиза не могла понять.

– Извольте, – подал старик квитанцию. – А вот и ваш заклад. – И, открыв выдвижной ящик письменного стола, он извлек довольно большой и очень красивый медальон на цепочке – явно золотой, чистого, ярко-желтого оттенка.

– Прекрасная вещь, – сказал он, приветливо глядя на Лизу. – Я очень рад, что она к вам вернулась. Червонное золото⁸, теперь такого не найдешь!

⁸ Старинное червонное золото было весьма высокопробным сплавом с медью. Соотношение металлов – 9:1, причем в пользу золота. Настоящее червонное золото соответствует пробам от 916 до 986, а это, можно сказать, чистое золото.

Сделан медальон был очень красиво и изящно: прекрасное плетение цепочки, на крышечке изящный вензель: две буквы А сплетены вокруг К. Но Лиза бросила на медальон только беглый взгляд и уставилась на пальцы приемщика. На правой руке они были изувечены самым жестоким образом, нелепо скрючены – непонятно, как он вообще мог перо держать и писать, неудивительно, что почерк был таким корявым и неразборчивым.

У Лизы вдруг пересохло в горле. Неразборчивый почерк... На квитанции о приеме вещи в залог точно такой же почерк. Этот же старик выписывал и первую квитанцию.

Почему промолчал? Почему не обличил ее? Или не узнал подлинную Лизу Петропавловскую?

Да нет, непохоже... эти старческие, выцветшие глаза, чудится, насквозь человека видят!

Узнал, конечно, но решил, видимо, не связываться с немецким офицером. Подумал, небось, что настоящая Лиза Петропавловская потеряла квитанцию, а эти двое авантюристов решили поживиться.

Ничего себе, поживиться! Вернер готов был пятьсот марок выложить, и если бы залог уже не был выплачен, выложил бы таки.

А был ли выплачен залог? Беспokoилась бы так Лиза Петропавловская из-за каких-то двадцати пяти марок? Думала бы о них перед смертью?

Здесь что-то не так. Не так! Подозрительно все это. И

то, что старик достал такую ценную вещь из незапертого ящика стола... вообще для хранения ценностей сейфы есть, это же не целлулоидная игрушка, это золото!

Да, все это тревожно, странно! И никак не удастся сообщить о гибели Лизы Петропавловской. Значит, нужно будет прийти сюда еще раз. Надо попытаться отделаться от Вернера, а потом вернуться – и...

Они простились с подобострастно кланявшимся стариком и вышли, причем на крыльце при виде Вернера вытянулся в невероятный фрунт парень в кепке, поношенном пиджаке, высоких сапогах и солдатских галифе. На рукаве пиджака была белая повязка с надписью «Polizei».

«Полицай, это полицай!» – догадалась Лиза. Предатель... таких ненавидели не меньше, чем самих фашистов. Жалко, красивый парень: как бы итальянский такой тип, огромные карие глаза, черные волосы, тонкие черты, смугло-румяное лицо. И предатель! Да, с ним Ломброзо ошибся бы, это точно.

А она сама?! Какое она имеет право кого-то осуждать? Баскаков называл предательницей и ее просто потому, что она не хотела умирать, она хотела жить!

Лиза стиснула зубы. Не думать об этом! Ничего не вспоминать!

Вернер забежал вперед и предупредительно распахнул перед ней дверцу «Опеля»:

– Садитесь, фрейлейн, я отвезу вас домой.

– Нет, нет, что вы, это слишком, вы чересчур добры... – забормотала она нервически, с трудом вспоминая адрес своего «дома», названный стариком: Липовая улица, 14 а, так, кажется, – и понимая, что пропадет, если Вернер попросит показать дорогу.

Господи, да что, делать ему нечего?! Партизаны в окрестных лесах еще остались, в городе, судя по словам Баскакова, подполье действует, и вообще – война, война идет, так ты воюй, герр обер-лейтенант, а не с девушками любезничай! К тому же любезничаешь ты с русской, а как насчет расового сознания? Значит, ты не ариец, Алекс Вернер, нет, ты не настоящий ариец!

– Не понимаю, как можно быть слишком добрым, – усмехнулся между тем «не настоящий ариец», не обращая внимания на явное нежелание Лизы сесть в машину и мягко, но настойчиво подталкивая ее туда. – Слишком добрым, избыточно благородным, излишне благоразумным... Мне кажется, эти прилагательные относятся к разряду абсолютных понятий. А вы так не полагаете?

Лиза смирилась с судьбой и снова плюхнулась на кожаное сиденье «Опея». Ей было не до прилагательных, честное слово. Вот сейчас, вот сейчас Вернер спросит, как проехать к ее дому... что она будет делать?!

А тот продолжал молоть языком:

– Очень советую вам носить этот прекрасный медальон, он необыкновенно украсит вас, хотя, как говорится, лучшее

– враг хорошего. Но он правда очень красив с этим вензелем...

Лиза едва слушала. Придется, наверное, разыграть внезапный приступ жестокой тошноты, попросить остановиться, сказать, что ее укачало, что она больше не может ехать, иначе испортит ему машину. И, кажется, даже разыгрывать ничего не придется, ее вот-вот и в самом деле вырвет от страха и всех этих непоняток, которые на нее обрушились.

– Приехали! – возвестил в это время Вернер, и автомобиль, не сделав и двухсот метров за угол, остановился. – Я довольно хорошо знаю эту улицу, часто проезжал по ней: ведь в конце ее находится тот самый ресторан, где вам предстоит работать. Даже жаль, что это так близко от вашего дома, а то я непременно начал бы набиваться к вам в сопровождающие, когда вы отправитесь на службу.

«Если ты начнешь набиваться ко мне в гости, я заорю!» – мрачно подумала Лиза, выползая из машины.

– Милое местечко, идиллическое такое, – пробормотал Вернер, глядя на покосившуюся, заржавевшую металлическую ограду, на которой косо висела табличка: «Липовая ул. 14, 14 а». – Надеюсь, вы живете вон там, а не там?

«Вон там» находился одноэтажный флигелек в зарослях отцветшей сирени. Ну а «там» располагались развалины двухэтажного дома, заросшие крапивой и бурьяном.

Лиза тупо посмотрела на своего неотвязного спутника и

поняла, что он так шутит. Ну и шуточки...

– Ну что ж, милая Лиза... как вас величать по отчеству? – осведомился Вернер. – Или вы не против, чтобы я обращался к вам по имени, как водится между добрыми приятелями?

Лиза пробормотала что-то на тему, да, мол, она не против, как водится между... и все такое. Она предпочла бы, чтобы Вернер на обратном пути ударился обо что-нибудь головой, впал в амнезию и забыл Лизины имя, фамилию и адрес, но рассчитывать на это вряд ли приходилось.

– Я не прощаюсь! – объявил Вернер. – Вечером непременно буду в «Розовой розе». Надеюсь увидеть вас там, а может быть, и не только увидеть!

Он прищурился так многозначительно, что Лизе безумно захотелось влечь ему пощечину. Но все же она удержалась почти невероятным усилием воли.

Ага, жди! Тащись в свою «Розу», жди там новую официантку, девицу для утех господ офицеров! Не дождешься! Сейчас Лиза вернется в ломбард, а потом...

Она постояла у калитки, висевшей на одной петле, надеясь, что Вернер отчалит, однако тот, видимо, решил быть галантным до последней капли крови и не трогаться с места, пока Лиза не войдет во двор. Сидел за рулем, кивал фуражкой и тыкал на калитку указательным пальцем: идите, мол, туда, идите! Лиза в конце концов не выдержала и вошла во двор, чувствуя такой приступ человеконенавист-

ничества, какого не то что не испытывала – даже вообразить не могла, что когда-нибудь испытает!

Она сделала несколько шагов к флигелю, и только тогда заработал, а потом и отдалился рокот мотора. Неотвязный Вернер отвязался наконец. Можно уходить отсюда, дорога свободна!

Но Лиза не трогалась с места. Навалилась вдруг такая усталость...

Наверняка ключ от дома Лизы Петропавловской лежит в ее саквояже. Можно отпереть дверь, зайти, поесть (наверняка там найдется какая-нибудь еда, хотя бы хлеб), попить чаю или в крайнем случае просто воды, передохнуть. Она так устала, так ужасно устала!

Нет. Заходить туда нельзя. Эта чужая жизнь, в которую она нечаянно зашла, затягивает, как водоворот, эта чужая маска, которую она невольно на себя надела, начинает прирастать к лицу.

Нет! Нужно как можно скорей вернуться в ломбард.

А потом? Что ты будешь делать потом?

Да уж не жить под чужим именем, конечно. У Лизы были друзья, знакомые, в конце концов, этот ее немец, любовник, как его там, Эрих, нагрянет – и обнаружит подмену.

Уходить!

Лиза отвела взгляд от белых, обшитых кружевом занавесок, которые были видны сквозь чисто промытое окошко. Почему-то ей казалось, что это было окно Лизочки, занавески...

вески Лизочки. Хотя кто его знает, на самом-то деле.

Она вздохнула прощально и уже совсем решилась отправиться восвояси, как вдруг дверь флигеля распахнулась и на крыльце показался какой-то мелкий, худой, вертлявый мужичинка лет сорока, до крайности похожий на маленького таракана, а может, просто жучка. Он имел чисто выбритое, гладкое личико, почему-то наводившее на мысль о восковой маске, гладко прилизанные волосы и узкие губы, почти не видные под щетинкой усов. Усы, к слову сказать, у него были не тараканьи, даже не «вильгельмовские», торчащие в стороны, намаженные и подкрученные, а узенькие, тщательно подбритые. Их носитель явно пытался подражать Гитлеру, так что понятно, почему Лиза мгновенно преисполнилась к нему отвращением. Однако «таракан» уставился на нее с превеликой приветливостью.

– Гутен таг! – закричал он и даже рукой помахал. – А ведь вы, наверное, есть панна, то есть фрейлейн Петропавловская?

Лиза заморгала, совершенно изумленная. Откуда он ее знает? Вернее, откуда он знает, за кого она себя выдает?! Мистика какая-то...

Мистика, впрочем, немедля разъяснилась.

– Мы с вами не имеем чести знатья! – радостно возвестил «таракан». – Но я про вас шибко наслышан от тетушки, от Натальи Львовны. Она говорила, что во втором номере живет молодая и очень, очень, – это слово было под-

черкнуто жирной чертой, – красивая барышня, фрейлейн Лиза Петропавловская. Тетушка уехала на неделю в сельскую местность, а мне велела исполнять ее обязанности владелицы сего строения. – Он помахал в сторону флигеля. – Мое имя есть Анатолий Пошехонский. Я заходил к вам знакомиться, но дома никого не было, и я решил, что, видимо, вы отправились исполнять трудовую повинность, а может быть, меняете носильные вещи на продукты. И вот вы явились на место жительства!

– Извините, – не выдержала Лиза, – а почему вы говорите так странно? Как будто не по-русски?

И тут же она в ужасе прикусила язык: а что, если Лиза Петропавловская была confidentкой этой, как ее там, Натальи Львовны, «владелицы сего строения», и должна была знать биографию ее племянника Анатолия Пошехонского? И он заподозрит неладное... Нет, бежать отсюда скорей! Только вот как бы от этого трепача отвязаться? Мужчины здесь, в этом городе, приставучие до неприличия. Сначала Алекс Вернер цеплялся, теперь этот. Дернула же нелегкая задать ему такой дурацкий вопрос!

– Так я ж с Запада приехал, с Варшавы, – с радостной улыбкой пояснил между тем Анатолий, который, кажется, не видел в ее вопросе ничего дурацкого. – Москальское наречие мне не так чтобы очень привычно. Уж извиняйте, будьте ласковы! Зато по-немецки я шпрехаю отменно, поскольку

ку я есть чистокровный фольксдойче⁹.

Несомненно, это словосочетание употреблялось в русском языке впервые, и Лиза, как ни была напряжена, с трудом сдержала усмешку.

Племянник, впрочем, не заметил припадка ее невежливого веселья, а таращился на нее с откровенным восторгом.

– Тетушка совершенно права была, сказавши, что вы великолепная уroda, – возвестил он с улыбкой. – И ежели вы, к примеру сказать, чувствуете некоторую тоску длинными одинокими вечерами, я с превеликим угождением готов вашу тоску развеивать. Вам стоит только отдать такое волеизъявление, фрейлейн Лизонька.

Лиза нервно кашлянула, чувствуя себя персонажем какой-то трагикомедии и отчаянно мечтая из нее выбраться. Во-первых, в нем росту – метра полтора, не более. Во-вторых... и во-всяких! Да пошел он туда же, куда она уже отправила мысленно некоего Алекса Вернера!

Кажется, единственный способ избавиться от «племянника» – войти в квартиру Лизочки Петропавловской. О господи, это болото прошлого затягивает Лизу все глубже...

– Извините, – пробормотала она, – извините, пан... господин Анатоль...

– Для вас я всегда готов стать просто Толик! – пылко возвестил племянник.

⁹ Фольксдойче – так на оккупированных фашистской Германией территориях назывались люди смешанного происхождения, наполовину немцы.

– Да, да, конечно, но я, понимаете ли, устала и сейчас хотела бы отдохнуть. Я пойду домой, хорошо?

– Конечно, конечно! – всплеснул руками племянник и вцепился в ручку саквояжа, явно намереваясь отнять его у Лизы. – Эдакое глупство, что я тут с вами точу разговоры, когда вы желаете протянуть с устатку ноги! Позвольте вам помочь, панночка, позвольте поднести ваш сак и отпереть вашу дверь. Извольте ключик, нашкоханейшая Лизонька!

Ну уж нет, этого прилипалу «нашкоханейшая Лизонька» даже близко к порогу не подпустит, не то что ключ ему дать. Потом не отвяжешься, это точно! Даже и сейчас отвязаться очень не просто.

– Извините, пан Анатоль, но я сама... – начала было она, однако вышеозванный не выпускал ручку саквояжа.

Ну что, по физиономии ему дать, что ли? Почему-то Лиза испытывала величайшее искушение сделать это!

– Эй, кто здесь хозяин? – раздался в это время ленивый голос, положивший конец затянувшейся сцене.

Пан Анатоль мигом отдернул руки от саквояжа и обернулся к воротам, в которые входил человек в кепке, с винтовкой и с белой повязкой на рукаве. К изумлению Лизы, это оказался тот самый черноокий итальянистый красавец, которого она видела на крыльце ломбарда. Он, впрочем, не обратил на Лизу ни малейшего внимания, а холодно воззрился на суетливо подбежавшего Анатоля:

– Ты хозяин?

– Не так точно, пан, то есть господин полицай, – отозвался тот. – Я есть племянник хозяйки, а она нынче в отъезде.

– Да мне нету разницы, кто из вас есть, а кто в отъезде, – сурово сообщил полицай. – Ты мне лучше скажи, это кто развел? – И он ткнул пальцем в развалины старого барского дома.

Анатоль воззрился на них недоуменно. Честно говоря, Лиза тоже была озадачена вопросом. Кто развел – что? Развалины? Или бурьян на них? Странный вопрос, честное слово.

– Чего изволите сказать? – переспросил растерянный Анатоль.

– Я говорю, вот эти заросли создают опасность, неужели непонятно? – раздраженно объяснил полицай. – Это же целый лес! В них может большевистский диверсант засесть, а то и снайпер. И никто не догадается, откуда он станет пулять в господ немецких офицеров! – погрозил он пальцем Анатолю, как провинившемуся малолетке. – Вот я и спрашиваю, почему, по недомыслию или злему умыслу, развели тут пристанище для врагов нового порядка? Партизанен, пуф-пуф! – И он наставил на Анатоля указательный палец, как дуло пистолета.

Лизе, конечно, нужно было обратиться в квартиру, а то и за ворота потихоньку выйти, но ее ноги словно приросли к

земле. Она во все глаза смотрела на полицая, но, само собой, вовсе не из-за его горячей красоты, а просто не могла взять в толк, серьезно он говорит или придуривается. Фарс какой-то, честное слово! Жуткий и жестокий фарс, вот куда она попала.

Не лучше ли в таком случае было остаться в лесу, зло спросила она себя. Лучше. Если бы не Баскаков и не Фомичев! Если бы не Фомичев и не Баскаков!

– Короче говоря, – подытожил полицай, которому, видимо, надоело наблюдать две пары откровенно вытаращенных на него глаз, – вот тебе приказ от городской управы: чтоб не позднее завтрашнего вечера тут ни травинки не было, ясно тебе?

– Пан полицай! – возопил Анатолий в откровенном ужасе, меряя перепуганным взглядом то джунгли на развалинах, то грозную фигуру полицая. – Да как же сие возможно? Тут неделю надо трудиться! Нет у меня таких сил и возможностей! Кроме того, я не настоящая хозяйка этих развалин, а племянник!

– Да какая разница немцам, кого к стенке ставить? – искренне удивился племянник. – Тебя или настоящую хозяйку? Не хочешь к стенке? Тогда чего ерепенишься? Давно взял бы себе из лагеря парочку пленных для домашних работ. Благо благонадежным гражданам это разрешается. А там не все жиды да комиссары, есть ребята смирные, трудолюбивые, они не сбегут, они только и мечтают себя немцам с хорошей

стороны показать. Дают, дают их хозяевам на работу, ага, а как же. Только нужно охранников и пленных кормить, да взятку дать начальнику охраны, и мне за посредничество...

Он показал в наглой улыбке белоснежные зубы.

– Столько народу! – возопил в ужасе Анатоль. – Столько денег! Нет, это не в мой карман! Пускай тетя, пускай она, я нет, я не буду.

– Ну, воля твоя, – зевнул полицай. – Только ты тогда не обижайся, я доложу в шницманшафт, в полицейский участок, значит, что по такому-то адресу саботируют распоряжения господина коменданта.

– Нет! – горестно вскрикнул Анатоль, и восковая мордашка его исказилась такой искренней болью, что Лизе стало смешно. А вообще ей эта перепалка надоела. Краем уха слушая, как горько вздыхающий племянник сговаривается с полицаем, во сколько и куда завтра прийти за пленными, она поднялась на крыльцо, нашарила в саквояже ключ и отперла английский замок на двери, среди которой была намалевана белой краской большая облупленная цифра 2.

Далекое прошлое

Аврора была слишком горда, чтобы выказывать свое горе. Теперь ее красота казалась броней, пробить которую представлялось невозможным. И вот тут-то появился Карл Маннергейм – отчаянно влюбленный и мечтающий

о браке с Авророй как о несбыточном счастье. Но она дала согласие! Да, сердце рвалось от любви к Александру Муханову, однако Аврора прекрасно знала, что станет Карлу Маннергейму хорошей женой. Будет верна ему до смерти, никогда в сторону не взглянет, и даже появившись прямо вот сейчас перед нею синеокий демон-искуситель Александр Муханов, ему придется уйти ни с чем.

В знак любви она подарила жениху табакерку с своими инициалами и миниатюрой кисти самого Франца-Гавриила Виолье¹⁰, обрусевшего швейцарца, известнейшего живописца и портретиста того времени.

День венчания назначили, он приближался, но Карл исчез! Доподлинно было известно, что в имении он побывал, с бабушкой встретился, благословение получил, но...

Куда он пропал потом? Что с ним случилось? Погиб, наверное, но где и как, – это осталось неизвестным для всех, для всех, в том числе и для его загадочной невесты. Точно так же неизвестной осталась для Гельсингфорса гибель в болоте двух крестьян, которые продали цыганам хорошего коня, а потом отправились домой – да и не дошли. Небось выпили лишнего, вот и заблудились. Места гиблые, всякое бывает...

¹⁰ Так в России называли Анри Франсуа Габриэля Виолье (1752–1839).

Нижний Новгород, наши дни

– Слушайте, Марина, – осторожно спросила Алёна, – а что, они поехали в Сормово в какой-то бандитский притон? С криминальными авторитетами встречаться?

– Да какие, к чертям, авторитеты? – с досадой воскликнула Марина. – В музей района поехали, только и всего. Там вроде факты какие-то новые вскрылись насчет войны, ну и надо было узнать, что и как, у нас же рубрика такая есть: «Люди войны». Катя – корреспондентша которая – эту рубрику вела. А Таню отправили с ней, потому что в музее протечка крыши и еще какая-то гадость, экспонаты заливаает, ну они нас и попросили взять это дело под контроль. Ничего более некриминального просто придумать невозможно, верно? Но девчонки пропали: ни дома их нет, ни на работе.

– Но вообще-то, – еще более осторожно проговорила Алёна, – они, наверное, барышни взрослые? Не могло быть так, чтобы...

– Не могло! – с еще большей досадой ответила Марина и даже воздух ладонью рубанула в доказательство того, что нет, не могло! – Таня еще ладно, она еще как-то худо-бедно способна на такие неожиданности, но Катерина... нет, исключено! Железный человек. Работа прежде всего и всякое такое. К тому же у нее встреча была сегодня назначена с одним иностранцем, немцем, который специально в Нижний

приехал, чтобы с ней повидаться. Я не сильно в курсах, что там и как, но вроде бы Катерина какой-то сенсацией грози-лась. Дедуля к ней пришел, а ее нету. Он часа полтора про-ждал, да так и ушел. Правда, философски отнесся к тому, что Катерины нет, мол, дело молодое... я уж не стала ему говорить, что девчонки еще вчера пропали, а то хватил бы кондрат старикана, он уже совсем божий одуванчик, уже на грани старческого маразма, ну разве можно в такие годы в такую даль пускаться?

– Я этого старикана видела, – усмехнулась Алёна. – Ни-чего себе, нашли одуванчика! Он еще хоть куда, по-моему, маразма там можно ждать дольше, чем Сольвейг ждала Пер Гюнта. Да, впрочем, бог с ним. Слушайте, эта Катерина – она из какой редакции?

– Да из культуры, – сердито ответила Марина, которую, такое ощущение, праздное любопытство Алёны начало раз-дражать. – Разве вы ее не помните? Она вот здесь, за этим вот компьютером сидела. Вы же ее видели, конечно. Неуже-ли не помните?

Честно говоря, хорошей памятью, особенно зрительной, Алёна не отличалась. То есть иногда некоторые лица впечат-ывались в нее просто намертво, а некоторые так и скользили где-то по обочине сознания. И поэтому она только виновато покачала головой, поглядев на стол, на который показала Марина: не помню, мол. И вдруг взгляд ее упал на фотогра-фию, стоявшую в рамке на этом столе. Две девушки держали

огромного белого медведя и тянули его к себе, как Груша и жена губернатора тянули в разные стороны ребенка в пьесе Бертольда Брехта «Кавказский меловой круг».

– Это они, – сказала Марина похоронным голосом, – они за один репортаж приз получили... на двоих... их потом даже по телевидению показывали...

В голосе у нее задрожали слезы, но Алёна не обратила на это внимания: она всецело была занята разглядыванием фотографии.

– Боже ты мой! – воскликнула она внезапно. – Слушайте, ну и растяпа же я! Память совершенно как решето! А я-то думала, ну где эту девушку видела! Да конечно, вот за этим столом!

– Вы о чем, Алёна? – раздраженно спросила Марина, видимо, до глубины души пораженная черствостью писательницы Дмитриевой. – О чем вы говорите, когда...

– Да о том, что я эту вашу барышню вчера видела! И подругу, наверное, тоже... вроде бы там были две девушки, только я на вторую внимания не обратила, а эту заметила, потому что она, во-первых, рыженькая, а во-вторых, на меня поглядывала, как на знакомую. Слушайте, слушайте, Марина! Когда пропали ваши девчонки?

– Да вчера в полдень примерно наш водитель оставил их на площади Горького.

– Ну точно! Я их видела в начале первого, – кивнула Алёна. – Именно на площади Горького, около магазина «Пола-

рис». Ваши девочки садились в серый «Ниссан».

– В серый «Ниссан»? – нахмурилась Марина. – Получается что? Они остановили попутку, и этот чертов «Ниссан» завез их невесть куда?!

– Ну, – осторожно сказала Алёна, – очень может быть, что так и есть.

– Погодите! – всплеснула руками Марина. – Выходит, вы их последней видели?! А номер, номер этого «Ниссана»? Номер у него какой?!

– О господи... – пробормотала покаянно Алёна. – На номер-то я и не посмотрела, вот балда. То есть даже не обратила внимания.

– Алёна, Алёна! – в отчаянии почти закричала Марина. – Да напрягитесь же! Вы же детективы пишете, вы же должны... вы не можете не понимать... вам, может, только кажется, что ничего не заметили, а если порыться в памяти, то, может, и вспомните!

– Нельзя вспомнить то, чего не знаешь, как одна моя подруга говорила, – огорченно сказала Алёна, тем не менее добросовестно обшаривая все закоулки своей довольно-таки дырявой памяти. – Все, что помню, – это «Ниссан»... я почему-то про Чапека стала думать, а про девушек забыла.

– Чапек-то здесь при чем? – в сердцах просила Марина. – Нашли о чем думать в такой момент! Я его вообще терпеть не могу.

– Ну я же не знала, что момент будет такой, – оправдыва-

лась Алёна. – Чапека я тоже не сильно люблю, кроме того его рассказа такого полудетективного... – И она вдруг замерла, уставилась на Марину, вскрикнула: – Вспомнила! Вспомнила, почему я про Чапека подумала! Помните, у него есть рассказ про поэтические ассоциации? Ну, там какой-то поэт видит машину, сбившую нищенку, и восстанавливает ее номер с помощью метафор... Двойки он сравнивает с шеями лебедей, что-то там еще было, не припомню уж, но точно знаю, почему я про Чапека подумала! Потому что в номере того «Ниссана» было две шеи лебедя! В смысле, две двойки!

– Так, – сказала Марина, и ее щеки загорелись от волнения. – Ну, теперь они у меня попляшут. Теперь пусть попробуют не принять мер! Я их со свету сживу!

И она сделала своими изящными руками, пальцы которых были унизаны перстнями один другого краше, такой жест, как если бы кому-то немилосердно скручивала шею.

– Марина, а «они», о которых вы так сурово говорите, – осторожно поинтересовалась Алёна, – это кто?

– Да эти... – Марина выразилась весьма энергично, – из полиции!

Немедленно выяснилось, что Марина, обеспокоенная судьбой девушек, уже пыталась заявить об их исчезновении, однако заявления у нее не приняли, ответив, что предпринимают такие действия лишь по просьбам близких родственников, это раз, второе, девушки уже совершеннолетние и мало ли какие у них могут быть потребности («Потребности, они

так и сказали!» – с отвращением повторила Марина), поэтому фактом пропажи начинает считаться трехдневное отсутствие человека. А прошли всего лишь сутки.

Марина немедленно набрала номер и сообщила сведения о «Ниссане» и двух двойках в его номере.

Некоторое время она слушала ответ. Потом лицо ее оказалось бессильной яростью и, рывкнув: «Я больше не могу этого слушать! Вы не соображаете, что говорите!» – она шваркнула трубку на рычаг.

Алёна вздохнула и с жалостью взглянула на свою взбешенную приятельницу. Нетрудно было угадать, что ей сказали. Какую-нибудь гадость насчет девушек, которые небось поехали кататься со своими любовниками...

– Что, опять посоветовали ждать трое суток? – невесело усмехнулась она.

Марина снова выразилась весьма энергично, Алёна даже поежилась, поскольку к инвективной лексике относилась резко отрицательно. С другой стороны, такая уж была ситуация инвективная, что без соответствующей лексики просто не обойдешься.

– Ничего я не собираюсь ждать! – бушевала Марина. – Я знаю Катку, она не способна загулять, и даже если загуляла бы, позвонила бы, предупредила! Она же знает, что нам послезавтра номер сдавать, она бы... – Она даже поперхнулась от гнева и воскликнула: – Немедленно поеду к начальнику этого отделения. Они у меня все попляшут!

Марина бросилась к вешалке и уже сорвала с нее плащ, когда Алена сказала:

– Погодите-ка. Есть один человек... Не хотела я его дергать, но раз такая история...

И она, достав мобильный телефон, вызвала номер, который в ее записной книжке был зашифрован как «МЛИН».

Мезенск, 1942 год

Притворив за собой дверь, Лиза постояла в прихожей, не решаясь войти в «свою» квартиру. Из прихожей вел коридор, по обе стороны которого были комнаты: две слева и две справа. Хотя нет, одна из комнат справа – это кухня.

Наконец она заставила себя войти. Боже ты мой, до чего убогая обстановка! А вот странность – прекрасные иконы – правда, без окладов, которые, очень может быть, блистали золотом-серебром, – но до чего великолепное письмо! Вот этот Спас Нерукотворный... какие мучительные, страдающие, живые глаза!

Хорошо, что не придется жить в этой квартире. Под взором этих глаз начинаешь чувствовать себя просто-таки обязанной взойти на Голгофу.

Лиза прошла дальше, разглядывая громоздкий дубовый шкаф, продавленный и потертый до белизны коричневый кожаный диван, изящно расшитые накидки, салфетки. На полках много книг на церковнославянском языке. Неужели

здесь жил священник? Лиза не утерпела – любопытствовала. Некоторые книги были подписаны: «Собрание отца Игнатія Петропавловскаго».

На тумбочке стоял патефон, рядом – стопка пластинок. Интересно, что на них, гимны православные, что ли? Нет, вполне светская, даже более чем светская музыка, в основном это были румынские пластинки, контрабандные, конечно: Вертинский, несколько дисков Петра Леценко, а вот и советская пластинка Апрелевского московского завода – джаз Утесова. Ого, смело – держать песню из кинофильма «Веселые ребята» на виду! А впрочем, может быть, гитлеровцам нет дела до такой ерунды, как джазовая музыка, это ж не «Вставай, страна огромная!», в конце концов.

Лиза осторожно потянула пластинку из конверта, и на пол выпал клетчатый листок, исписанный старательным круглым почерком:

По горам, по вершинам наша молодость шла,
Голубыми туманами наша юность прошла.
Пронеслася и скрылася, как лихой буйный шквал,
А теперь на пути у нас новый встал перевал.
Что же, верные други мои, снова надо в поход,
За любимую Родину зашагаем вперед.
Помня молодость милую, помня тех, кто упал,
Зашагаем, товарищи, на седой перевал...

Это была старая песня, Лиза ее знала и любила. Кому

же она нравилась до такой степени, что человек записал ее слова на листок и хранил, хотя это было опасно? Почерк вроде бы женский. Слова записала ее тезка? Лиза Петропавловская?

Как странно все это сочетается. Такая песня – и в то же время интимнейший подарок от какого-то фашиста...

Лиза сунула листок в конверт и отошла от тумбочки.

Загадки, загадки! Нечего и пытаться найти на них отгадки, да и к чему это?

Она заглянула в кухню и постояла, рассматривая огромный резной буфет, украшенный виноградными кистями, фруктами, оленьими рогами. Такое только в музее увидишь. В этом буфете должны храниться какие-нибудь севрские сервизы, а не простенькие фаянсовые чаши и тарелки в линиях узорах, должны лежать сочная ветчина, и жирный желтый сыр, и настоящие виноградные гроздья, а не завернутый во влажную тряпицу (чтоб не сох, видать) кусок хлеба, кастрюльки с остывшей, осклизлой картошкой и каким-то жидким супом, пучок редиски, соль в стеклянной банке, накрытой бумагой и перевязанной тесемкой, и еще одна баночка с этикеткой: «Honig». Нарисованная рядом пчела, сидевшая на цветке, помогла Лизе вспомнить перевод этого слова: «Мед». Наверное, этот мед выдавали в пайках немецким офицерам, ну вот и Лизочке Петропавловской перепало от Эриха Краузе.

Есть захотелось просто невероятно, до тошноты. Кар-

тошка выглядела неаппетитно, да и суп возделения не вызывал, к тому же, чтобы его разогреть, нужно было либо растопить печку, либо разжечь керосинку, стоящую в углу, на отдельном столике, а Лиза не желала заниматься первым и просто не умела второго, поэтому она поела хлеба с медом (судя по мертвенному вкусу, сей продукт явно был эрзацем) и выпила воды из большого закопченного чайника, стоявшего на плите, причем ее не оставляло препротивнейшее ощущение, будто она – вульгарная воровка, забравшаяся в чужой дом.

Воровка не воровка, но в чужой дом она и впрямь забралась, хуже того – в чужую жизнь...

И такая тоска вдруг взяла от этого!

Хотелось полежать, отдохнуть, но Лиза не позволила себе. Как можно скорей – в ломбард. И покончить со всем этим.

«А ты уверена, что тебе это удастся? Что ты сможешь выбраться из города?»

Гоня мысли, от которых немедленно навернулись на глаза слезы, и не только навернулись, но и побежали по щекам, Лиза схватила саквояж, кинулась к двери, но не успела взяться за ручку, как дверь распахнулась. На пороге стоял тот самый полицейский – итальянистый красавчик.

А ему здесь какого черта нужно? Вроде бы в квартире ничего бурьяном не заросло! Вот разве что станет искать партизан в буфете!

Впрочем, надо быть с ним повежливей. Все-таки власть... Вот же, а? Предатель родины, плюнуть бы ему в физиономию, а нужно какие-то этикетки соблюдать!

– Добрый день, – холодно сказала она. – Что вам угодит...

И осеклась, увидев позади полицая постную физиономию того самого старикашки из ломбарда.

Далекое прошлое

Об Авроре снова заговорили в гельсингфорсском обществе – заговорили с таким многозначительным пожатием плеч, с закатыванием глазок, с сочувственными интонациями, за которыми крылось неприкрытое злорадство.

Красавица, да? Ну а толку с той красоты? Кажется, и впрямь злая королева троллей качала ее колыбель, вот и наградила свою подопечную горькой судьбой!

Однако сестра Авроры Эмилия, тоже красавица, но счастливая в своем браке с графом Мусиным-Пушкиным, увезла сестру к себе, в Петербург. Она была убеждена, что проклятье королевы троллей не будет иметь власти вдали от ее шведских, финских и норвежских владений!

И вот прекрасные сестры взошли на светском небосклоне старой и новой столиц и были представлены ко двору. Насмешица Александра Смирнова-Россет¹¹, фрейлина им-

¹¹ Смирнова (Россети, Смирнова-Россет) Александра Осиповна (1809–1882) – фрейлина русского императорского двора, знакомая, друг и собеседник А. С.

ператрицы, как ни рылась в безднах своего злоехидства, не смогла все же найти уничижительного слова для совершенной красоты: «Тут явилась в свет Аврора в полном цвете красоты. Особенно у нее был необыкновенный цвет лица и зубы как жемчуг».

У обеих сестер, заму́жней и одинокой, немедля нашлись обожатели. Петр Вяземский совместно с композитором Вильегорским сочинил романс в честь старшей и сообщил об этом Александру Тургеневу в таких выражениях: «Здесь проезжала финляндская красавица Аврора, воспетая и Боратынским. Дурная погода и хорошенькое лицо ее, к тому же имя, которое ей по шерсти, так в рот и влагали стихи».

Вот они:

Нам сияет Аврора,

В солнце ну́жды нам нет:

Для души и для взора

Есть и пламень, и свет...

В дома Мусина-Пушкина и в Москве, и в Санкт-Петербурге зачастили Петр Вяземский, Александр Тургенев, Александр Пушкин... ну и старые знакомые: Евгений Боратынский и... Александр Муханов.

Мезенск, 1942 год

– Здрасьте, – пробормотала Лиза растерянно. – Это вы?
А я как раз собиралась...

Да полно, неужели это тот самый старик? Где угодливое выражение сморщенной физиономии? Где ханжеская улыбочка? Ледяные глаза, напряженный голос:

– Кто вы такая? Как к вам попала квитанция? Почему на вас вещи Лизочки?

Она оторопела. Вот те на! Нужно было очень хорошо знать погибшую девушку, чтобы узнать ее платье, ее туфли, ее саквояж. Выходит, старик был коротко знаком с ней. Но отчего не заговорил об этом при Алексе Вернере?

Ладно, сейчас это не важно. Важно то, что красавчик полицейский тянет с плеча винтовку и явно готовится наставить ее на Лизу. И еще прикрикивает:

– Говори, быстро!

– Лизочка погибла, – выпалила Лиза, опережая его. И зачастила, спеша успеть все рассказать, пока эти двое еще не вышли из того почти омертвело оцепенения, в которое повергли их ее слова: – Там, на берегу... на пляже, она играла в волейбол, купалась, потом налетел самолет, стрельба, взрывы... она была ранена, она умирала у меня на руках, ну и велела мне взять ее одежду, документы, отнести квитанцию в ломбард и сказать...

– Погибла... – выдохнул старик, покачнувшись. Нетвердо прошел в комнату и сел, вернее, упал на продавленный диван. – Почему? – прошептал тяжело. – Почему она не ушла вовремя?! Ведь знала, что в два часа начнется обстрел!

Теперь Лиза застыла в шоке. Получается, ее тезка знала о налете?! Получается, она связана с теми, кто это устроил? А тут без партизан не обошлось, конечно. Но если старик и полицейй в курсе, значит, и они тоже – партизаны? Вернее, подпольщики?

Вот это попала, называется, Лиза Ховрина... В самое пекло! И чем дальше, тем становится жарче.

Старик открыл глаза. Лицо его было спокойно. Наверное, ему столько пришлось всего в жизни перенести, что надолго его ничто не может потрясти.

– Лизочка должна была уйти с пляжа в час дня, – сказал он. – Она задержалась. Почему? Из-за вас? Она вас ждала?

– Меня? – пожала плечами Лиза. – Да я ее сегодня впервые в жизни увидела.

У него по лицу прошла словно бы тень... он словно бы загородился и теперь беседовал с Лизой несколько издалека.

– Ну, может быть, вы условились о встрече письменно... – проговорил он осторожно. – Или через какого-то человека, знакомого... Иначе почему бы она задержалась и почему отдала вам свою одежду, почему попросила зайти в ломбард?

– Да случайно это вышло, – прижала руки к груди Лиза. –

Ей-богу, случайно. Моя одежда... Я была раздета...

Эх, врать так врать!

– Моя одежда лежала около грузовика, а он взорвался. Все сгорело – вещи, сумка с документами. Я сама не пойму, как жива осталась. Кинулась в роищу, а там лежит она. Она умирала, ну и сказала мне: возьми все, только отнеси квитанцию и скажи, что меня, мол, убило на берегу. Я оделась – не в купальнике же мне оставаться! – и пошла в город. К вам.

– Почему вы не сказали в ломбарде, что пришли по поручению Лизочки? Почему не сказали, а просто забрали медальон?!

– Медальон? – Лиза только сейчас о нем вспомнила. Да, он же золотой. Его надо вернуть. – Он в саквояже. Я сейчас достану.

– Стоять! – Полицейский навел на нее винтовку. – Хитрая какая. Достану! А там небось пистоль.

– Нету там никакого пистоля, честное слово, – растерянно пробормотала Лиза. – Можете сами посмотреть.

– Не волнуйся, посмотрю!

Полицейский очень ловко, продолжая держать Лизу на прицеле, левой рукой схватил, открыл и перевернул саквояж над большим круглым столом, застеленном кружевной скатертью, пожелтевшей от времени и стирок. Небогатое имущество Лизочки Петропавловской вывалилось на стол. Зашелестели целлофановые пакеты – от подарков Эриха

Краузе. Сыро, тяжело шмякнулся купальник Лизы Ховриной. Выпал медальон.

– И правда, нету, – злобно буркнул полицай.

– Угомонись, Петрусь, – приказал старик.

Петрусь? Ого! Лиза вдруг вспомнила песенку, которую частенько пела соседка-украинка:

Как за того Петруся

Семь раз била матуся.

Ой, лихо – не Петрусь:

Било личко, черный вус!

Небось много девок потерпели неприятности и от этого Петруся: больно уж хорош собой.

Да черт ли тебе сейчас в его внешности?!

– Так почему ничего не сказали? – повторил старик.

– Потому что я не могла... при этом офицере.

– Что за офицер?

– Он тоже был на берегу, а потом подвез меня.

Старик вскочил резко, по-молодому. Толкнул Лизу на стул, наклонился. Лицо его стало недобрый:

– Кто он? Как зовут? Давно прибыл в Мезенск? Он ваш знакомый? Приятель? Где он живет? Где живете вы? Работаете? Где?

Тон его был таким... он с такой лютой злобой сыпал вопросами! Лиза сначала оторопела, а потом возмутилась:

– Да что это вы так разговариваете?! Устроили тут

гестапо, понимаете ли!

– Гестапо? – прищурился старик. – Вы были в гестапо? Вас допрашивали? Или вы присутствовали на допросах? В качестве кого? В самом ли деле Лизочка убита на берегу? Она должна была встретиться с вами? Вы предали ее? Она в гестапо?

– Слушайте, да вы просто ненормальный, – с яростью прошипела Лиза. – Не шейте мне дело! Не нравится вам слово «гестапо»? Хорошо, пусть будет НКВД. Вот вам, пожалуйста: вы ведете себя как самый настоящий энкавэдэшник, ясно? Что, до прихода немцев допросы в застенках вели?

Старик снова сел на диван, откинулся на спинку. Лицо его было смертельно бледным.

– Батюшка... – обеспокоенно прошептал Петрусь, делая шаг к нему, но старик раздраженно махнул на дверь – и Петрусь покорно отошел, занял пост около нее, изредка приоткрывая и выглядывая, не идет ли кто.

«Батюшка? Это его отец? – изумленно подумала Лиза. – Вообще-то в деды годится».

– Допросов не вел, – сказал старик, поворачиваясь к Лизе. Силы, видимо, вернулись к нему, лицо уже не выглядело таким мертвенным. – Но столь многожды был допрашиваем, что невольно усвоил некие манеры. С кем поведешься, знаете ли...

Он тяжело вздохнул.

– Значит, погибла Лизочка... эх... бедная моя девочка!

В голосе его слышалась такая боль, что у Лизы сжалось сердце. Наверное, он хорошо знал Лизочку Петропавловскую. А может, это ее родственник. Дед?

И вдруг ее словно ударило внезапной догадкой! Да ведь Петрусь назвал старика батюшкой не потому, что это – его собственный батюшка. Он обратился к нему, как на Руси обращаются к священникам! Этот старик... это его книги?

– Вы – дед Лизочки? – так и ахнула Лиза. – Вы – отец Игнатий Петропавловский?

– Чертовщина... – прошипел у порога Петрусь.

Старик потрясенно уставился на Лизу:

– Откуда вы знаете? Этого никто не мог знать, только двое – Петрусь и Лизочка. Она сказала вам? Как же она решилась?.. Значит, она хотела, чтобы я поверил вам. Но почему она не открыла вам пароль? Все было бы проще!

– Она не успела, – сказала Лиза. – Она умерла. Да и при чем тут пароль?! Поймите, если даже Лизочка и ждала кого-то на берегу, если и должна была с кем-то встретиться, это не я. Я оказалась около нее случайно, говорю же! А ваше имя я увидела на книгах. Так просто догадаться!

– Ну хорошо, – устало кивнул отец Игнатий. – В таком случае почему после ломбарда вы пошли сюда? Почему не отправились к себе домой? Почему не ринулись в комендантуру восстанавливать документы? Если среди ваших прия-

телей офицер интендантских войск, он мог бы помочь вам.

Ага, подумала Лиза, значит, Алекс Вернер – интендант? При такой-то мужественной внешности и весьма любезных манерах – всего-навсего интендант? Какая скука. Вот, оказывается, что означают эти красные просветы в петлицах и на погонах. Ну, будем знать. Нет, хорошо бы никогда этого не знать!

– Я... он ничем не мог мне помочь, потому что я познакомилась с ним только сегодня. Мы вместе плыли от островка, ну знаете, там островок посреди реки, нас там обстрел застал. Потом вместе пытались спастись на берегу...

– Он видел Лизочку?

– Нет, он меня уже потом подобрал, на дороге, предложил подвезти, я побоялась отказать...

– Подобрал! – фыркнул Петрусь, но веселья в его насмешке не было, наоборот, ее можно было испугаться. Что он, что старик смотрели на Лизу без капли доверия, смотрели как-то... оценивающе, как будто высчитывали, сколько минут дать ей еще пожить, прежде чем вынести суровый, но справедливый приговор подпольного суда.

Именно этим ее и стращал Баскаков! Без суда и следствия... за сотрудничество с врагом на оккупированной территории...

Вот тут-то Лиза испугалась всерьез. Почти так же, как там, на берегу, под пулями.

– Я пошла сюда, потому что вынуждена была показать

Вернеру – ну, этого офицера зовут Алекс Вернер, – торопливо разъяснила она, – мельдкарту Лизочки. И он решил, что я Лиза Петропавловская. А адрес вы сами вслух сказали в ломбарде, он меня сюда и привез, ничего не спрашивая. Мои документы сгорели при взрыве... то есть у меня их не было, то есть они были не в порядке, понимаете? И... и квартиры у меня нет, мне отказала квартирная хозяйка, потому что я... у меня кончились деньги, я... мне нечем платить. И с работы меня выгнали, то есть работы у меня нет, а в эту квартиру я зашла, потому что ко мне во дворе пристал этот, с усиками, племянник хозяйки, пан Анатолий. Он решил, что я – Лизочка, и я не стала спорить, надо же мне было куда-то идти! А потом я хотела сразу же пойти в ломбард и все вам объяснить, честное слово, я как раз собиралась в ломбард, когда вы тут появились!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.